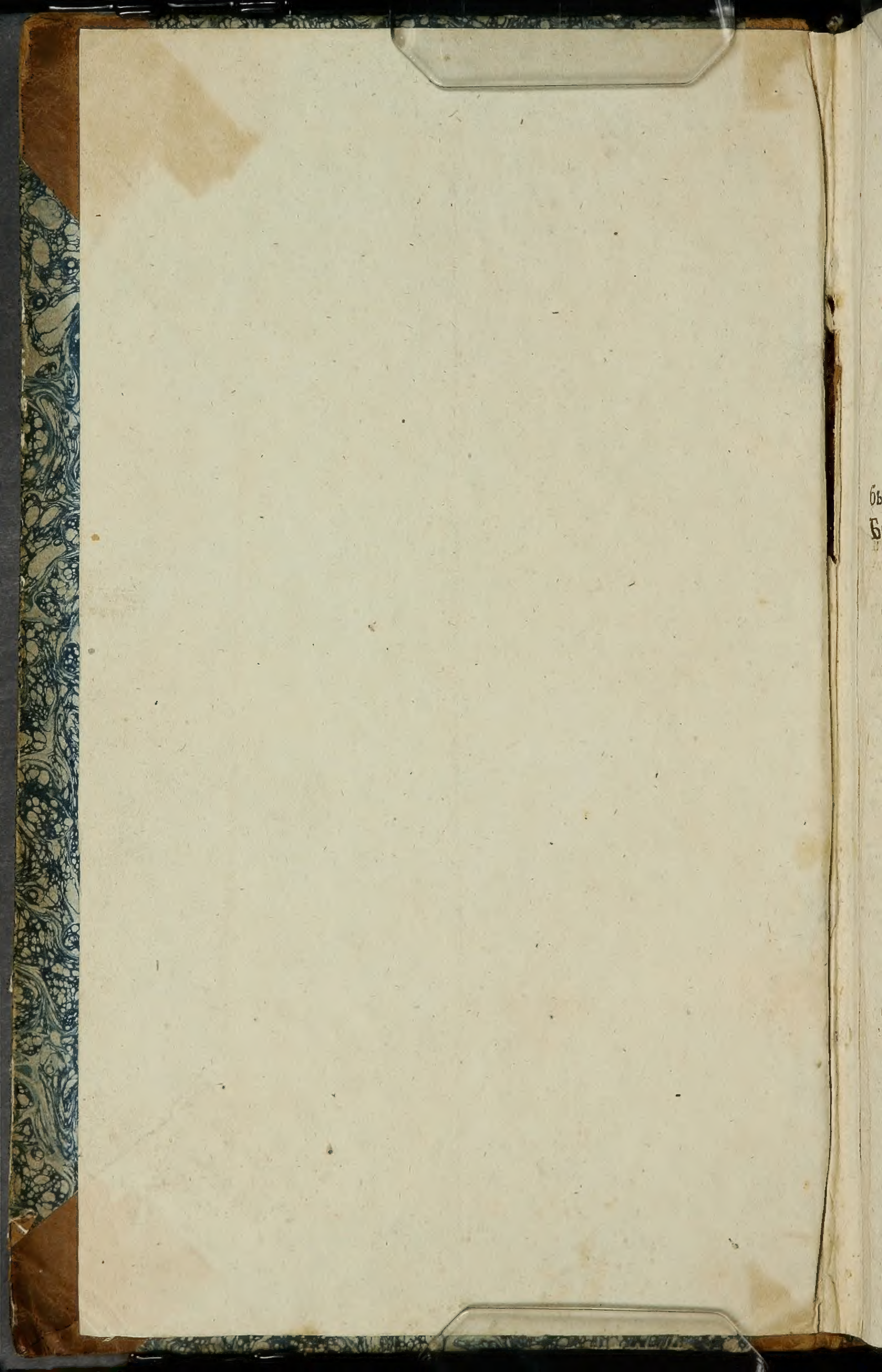

ИЗПОВѢДЬ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА
АББАТУ МОРИ, и проч. и проч.

посвященная

ГЕНЕРАЛУ КЛЕБЕРУ

ГЕНЕРАЛОМЪ САРРАЗЯНОМЪ,

бывшимъ начальникомъ штаба генерала Бернадотта, въ Нѣмецкой и Италіянской арміяхъ.

Tantalus a labris sitiens fugentia captat
Flumina. Quid rides? Mutato nomine, de te
Fabula narratur. . . . , ...

Горац. сат. кн. I.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1813.

Въ типографіи Ивана Глазунова

и его иждивеніемъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ цензурный комитетъ: одинъ екземпляръ сей книги, для цензурнаго комитета, другій, для департамента министра просвѣщенія, два екземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОИ академіи наукъ. Санктпетербургъ, Марта 10 дня 1813 года.

Цензоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ,

Иванъ Тимковской.

ВВЕДЕНІЕ.

Бонапарте доказалъ недавно, что не считаетъ меня болѣе съ ума сшедшимъ. Онъ убѣдился что голова моя въ добромъ порядкѣ, писмомъ моимъ отъ 21 Юля, Разсужденіями о мониторѣ, помѣщенными въ *Times* 3 Октября, 13 и 14 Декабря, съ замѣчаніями о Жюнотѣ, Неѣ, Массенѣ и пр. Онъ почтилъ меня гнѣвомъ своимъ до того, что отдалъ меня подъ судъ, велѣлъ осудить на смерть и изключить изъ списка почетнаго Легіона. Чего не сдѣлаетъ онъ прочитавъ свою изповѣдь?

Я не намѣренъ былъ издавать въ свѣтъ сего сочиненія, написаннаго только для того, чтобы изправить нѣкоторыя ошибки, находящіяся въ новѣйшихъ, впрочемъ уваженія достойныхъ произведеніяхъ; но въ которыхъ нѣтъ надлежащей изправности, произшедшей отъ невѣрныхъ свѣденій. Человѣкъ, для котораго дѣлалъ я ети замѣчанія, прочитавъ ихъ, неотступно просилъ меня напечатать оныя. Вотъ первая причина, заставившая меня говорить о

Бонапартѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ біографическихъ записокъ. Вторая же причина состоитъ въ томъ, что я не могу издать послѣдняго сочиненія по причинамъ, которые запрещаютъ мнѣ открыть обстоятельства.

Біографическія мои записки содержатъ въ себѣ описаніе жизни двухъ сотъ тридцати генераловъ или гражданскихъ чиновниковъ, знакомыхъ мнѣ лично. Онѣ состоятъ изъ двухъ частей, каждая почти въ 500 страницъ, въ 8 д. Въ первой части помѣщены: Ожеро, Баррасъ, Богарне, Бернадоттъ, три брата Бертье, Бессьеръ, Бёрнонвиль, Брюйсъ, Брюнь, пять братьевъ Бонапарте, Камбасерессъ, Карно, Колянькуръ, Шампіоннетъ, Шовлянь, Кларкъ, Кобенцель, Даву, Дежанъ, Дезе, Дюпонъ, Дюрокъ, Ферино, Фуше, Ганшомъ, Гаратъ, Гошъ, Жубертъ, Журданъ, Жюно, Келлерманъ, и Клеберъ. Во второй: Лакюе *Графъ Сессакъ*, Ланнь, Леклеркъ, Лекурбъ, Лефèвръ Дюкъ Данцижскій, Лукнеръ, Макдоналдъ, Марсо, Мареско, Мармонъ, Массена, Монсей, Моро, Мортье, Мюратъ, принцъ Нассау-Вейльбуржскій, Ней, Удино, Периньонъ, Пишегрю, Рошамбо, Гувьонъ-Сень-Сиръ,

Савари, Шереръ, Серюрье, Сіейсъ, Сультъ, Талейранъ-Перигоръ и Викторъ. Каждая часть заключаетъ въ себѣ сто пятнадцать записокъ. Три, здѣсь прилагаемыя, о Бертьѣ, Бонапартѣ и Клеберѣ, не совершенны по вышесказанной причинѣ. Я занимался оными полгода: какъ скоро препятствія изчезнутъ, я ихъ напечатаю.

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1794 г. я былъ въ штабѣ генерала Клебера, котораго главная квартира была въ Шатобріанѣ, въ Британіи. Я переписалъ на бѣло замѣчанія сего генерала о Маинцской осадѣ и о Вандейской войнѣ. Послѣ этого, написалъ я подъ его диктованіемъ *Наставленіе войскамъ, находящимся въ полѣ*. Въ Юлѣ 1795 г., во время пребыванія его въ Кревельтѣ, заставилъ онъ меня присоединить къ этому Разсужденія его о большой тактикѣ и фортификаціи: онѣ родились въ немъ послѣ сраженій его на Самбрѣ, Флерусской баталіи и осады Маестрихта. По благосклонности своей ко мнѣ, сдѣлалъ онъ меня хранителемъ оныхъ.

Я оставилъ Самбро-Маасскую армію и отправился въ Италіанскую. Я не пропускалъ случая быть съ

Бонапарте, чтобы имѣть возможность сравнять его съ Клеберомъ. Прибавивъ нѣчто къ Наставленію войскамъ и пр. противень съ онаго отдалъ я Бонапарту, который прочитавъ оное, поблагодарилъ меня. Я намѣренъ издать сочиненіе ето въ нынѣшнемъ годѣ: оно составитъ одну часть страницъ въ 500, въ 8 д. и будетъ заключать въ себѣ свѣденія, нужные офицеру, по пѣхотѣ, конницѣ, артиллеріи и фортификаціи времянной и правильной. Онъ найдетъ здѣсь все, начиная отъ обученія солдата безъ ружья, до манёвровъ сто тысячной арміи и осады первостепенной крѣпости съ общими правилами, относительно аттаки и обороны.

Въ разсужденіи меня носились такіе различные слухи, что я считаю обязанностію объявить настоящую истину. Я пріѣхалъ въ Англію не съ тѣмъ, чтобы сыскать здѣсь для себя времянное убѣжище; но съ *увѣренностію* найти въ ней отечество, и выгоды, *превышающія* тѣ, которыя я имѣлъ во Франціи. Права мои состоятъ въ томъ, что я хотѣлъ быть полезнымъ Англіи и привезъ съ собою точные свѣденія

о морскихъ берегахъ, границахъ и намѣреніяхъ неприятеля, составляющіе слѣдствія двадцати лѣтняго занятія.

Бонапарте, въ изповѣди своей, говоритъ иногда въ иносказательномъ смыслѣ, напримѣръ о Сень-Доминжскихъ начальникахъ, что жаркій Французскій климатъ скоро *истребитъ* ихъ; такіе обороты употребляетъ онъ часто. Я старался соображаться съ правиломъ Горація:

. . . . Ille profecto
Reddere personae scit convenientia cuique.

Безбожіе и разпутство Бертье оказывается въ бесѣдѣ его съ аббатомъ Мори. Мнѣніе его о многихъ генералахъ есть его собственное; тоже должно разумѣть и о словахъ Бонапарте въ изповѣди, какъ въ разсужденіи сего, такъ и многихъ другихъ вещей. Что не подходитъ подъ ето, то должно считать за общественное мнѣніе во Франціи, которое я только *передаю* въ етомъ сочиненіи; напримѣръ, объ условіи въ разсужденіи Ваграмскаго сраженія сказывали мнѣ генералы, полковники и офицеры, бывшіе самовидцами сами. Я долго не хотѣлъ вѣрить такому разврату съ одной стороны и такой

слабости съ другой; но наконецъ, *многіе* достовѣрнѣйшіе свидѣтели меня убѣдили. Не смотря на это, я счелъ обязанностію не вносить въ мою біографію сего происшествія за вѣрное, изъ уваженія къ государю, пребывающему въ мирѣ съ Англіею и считающемуся отцемъ своихъ подданныхъ. Я о немъ говорю, какъ о *слухѣ*. Поступокъ Макковъ въ Швабіи и Мену въ Египтѣ, почитаются сходными во всемъ что я говорю о нихъ: умолчавъ это я боялся чтобы меня не упрекнули несправедливостію къ австрійской арміи и неблагодарностію къ Клеберу. Историческіе свои свѣденія бралъ я изъ хорошихъ источниковъ. Исторія о Египетской експедиціи, писанная Сиръ Робертомъ Вильсономъ и Извѣстіе его о Польской войнѣ 1806 и 1807 г. были для меня очень полезны, а особливо для біографическихъ записокъ я нашелъ очень любопытные мѣста въ сочиненіяхъ Г-на Пелтье и въ Précis des évenements militaires, изданныхъ генераломъ Матфѣемъ Дюмасомъ.

Я ничего не увеличилъ въ разсужденіи Бонапарте, Бертье и Клебера. Есть нѣсколько правды въ упрекахъ

Бертье аббату Мори за то, что онъ любитъ столъ и почести; а что касается до сужденія сего генерала о нравахъ аббата, то для рѣшенія прошу я читателя сличить біографическую записку о Бертье; тоже надобно дѣлать и въ разсужденіи всего, что относится къ религіи и служителямъ оныя.

Ни кто болѣе моего не уважаетъ божественныхъ и человѣческихъ установленій. Если для обнаруженія Бонапарте, заставляю я его говорить какъ будто на изповѣди, то дѣлаю это желая отъ чистаго сердца, чтобы онъ принялъ такоеже намѣреніе, а особливо возпользовался онымъ для блага человѣчества. Увѣряю честію, что онъ у меня говоритъ только то, что признано за истину въ лучшихъ Парижскихъ обществахъ и въ главныхъ провинціальныхъ городахъ. Будущее время, величайшій учитель, утвердитъ мое мнѣніе показавъ торжественно хищника, если онъ не приметъ *предложенія,* дѣлаемаго ему аббатомъ Мори, единственное средство утвердить благосостояніе твердой земли возстановя равновѣсіе политической Европы. Да не воображаютъ, чтобы по особенному какому мщенію же-

лаю я ему смерти въ описаніи жизни Клебера: точность и безпристрастіе біографіи принудили меня къ етому. Какъ военный человѣкъ, я усердно желаю имѣть случай сражаться съ нимъ; какъ филантропъ, молю небо о возвращеніи его на путь истины, а какъ христіянинъ, прощаю ему его несправедливости, даже осужденія меня на смерть, за недѣйствительность котораго ручаются мнѣ великодушіе, справедливость и мужество Англичанъ.

ИЗПОВѢДЬ
НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ
Аббату Мори.

15 Августа 1810.

Бонапарте. Сего дня изполнится мнѣ сорокъ одинъ годъ, любезный мой Кардиналъ. Я рѣшился, ежели не поздно, получить прощеніе въ ужасныхъ злодѣяніяхъ, мною сдѣланныхъ, и намѣренъ впередъ жить *истиннымъ христіаниномъ* и *миролюбивымъ* государемъ. Я много полагаюсь на вашъ разумъ и *ваши добродѣтели.* Зная привержeнность вашу ко мнѣ, дѣлаю васъ своимъ духовникомъ для очищенія моей *совѣсти.* Говорите, я повинуюсь.

Аббатъ Мори. Честь быть хранителемъ *тайнъ* Вашего Величества, отмѣнно для меня лестна; я всячески буду стараться выполнить ваши намѣренія и оправдать сдѣланный вами выборъ. Мы всѣ грѣшники. Сколь тяжка стезя добродѣтели въ вашемъ званіи, когда и въ моемъ я долженъ былъ сильно сражаться съ

демономъ плоти и духа. Претерпя на бурномъ океанѣ сего міра жестокія бури, отъ которыхъ удостоился спастись Провидѣніемъ Всевышняго, по счастію я достигъ почти пристанища съ сладостнымъ удовольствіемъ, что исполнялъ честно всѣ обязанности къ церкви и обществу. Ваше Величество можете судить сколь пріятно для меня, въ преклонности дней моихъ, принести званіемъ своимъ пользу Іудѣ Маккавею Франціи. Я не упущу ничего для достиженія двоякой цѣли спасенія души вашей и славы вашего престола. Видя похвальное намѣреніе, которымъ по видимому, В. В. преисполнены, нужно вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, сдѣлать общую исповѣдь съ тѣхъ поръ какъ вы достигли возраста разсудка. Удивительная память В. В. и важность многихъ вашихъ дѣяній, могутъ пропустить развѣ что нибудь малое. Я вамъ донесу о мнѣніи общественномъ, скажу сколь должны вы уважать оныя, и не сокрою мѣръ, которыя впредь должны вы принять, дабы наконецъ могли вы вкусить спокойствіе праведника, которое одно только можетъ доставить настоящее блаженство на землѣ. Я прошу В. В. повѣдать мнѣ причины столь скорой и *счастливой* перемѣны; *ибо, считаю ее непритворною.*

Бонапарте. Хотя и тяжко мнѣ разсказывать вамъ всѣ мои шалости, но я сдѣлаю это въ надеждѣ, что вы избавите меня отъ ужасныхъ мученій, терзающихъ меня съ ночи 1го на 2^е Іюля. Ето зала Князя Шварценбержскаго, такъ великолѣпно украшенная, загорѣвшаяся отъ одной свѣчи и превращенная въ пепелъ, предзнаменуетъ мнѣ плачевную участь, предоставленную цвѣтущей моей имперіи. Вы знаете меня хорошо; слѣдственно не повѣрите, чтобъ я былъ суевѣренъ; но, не смотря на это, спокойствіе мое нарушается страшными сновидѣніями, предзнаменующими мнѣ скорое и ужасное паденіе. Недавно ночью я такъ кричалъ, что нагналъ страхъ на жену мою. Она обливалась слезами, которыя разодрали мнѣ сердце; ето сердце, столь до сего нечувствительное, что я не могъ вѣрить есть ли оно во мнѣ. Я защищался отъ бунтовщиковъ. Сонъ мой кончился крикомъ: *рѣжутъ! погибаю! умираю!* Вы знаете какъ любитъ меня Луиза; по чему можете судить о ея сокрушеніи. Вы легко могли замѣтить, что я обожаю Императрицу, ваша душа *чувствительна:* слѣдственно, вы можете представить, какъ сильно ето меня растрогало. Ета прелестная женщина рыдая сказала мнѣ, что надобно прибѣгнуть къ по-

мощи Провидѣнія и заслужить покровительство Царя Царей чистосердечнымъ покаяніемъ. *Безбожіе твое*, сказала она, погубитъ насъ; *мало того, что ты покровительствуешь религіи, надобно исполнять ученіе оной.* Я поклялся ей, что послѣдую столь мудрому совѣту; по чему, не удивляйтесь болѣе словамъ разбойника, который въ четырехъ частяхъ свѣта, самъ собою или чрезъ своихъ повѣренныхъ, обременилъ себя злодѣяніями тѣмъ болѣе ужасными, что многіе изъ нихъ были не нужны для выполненія его честолюбивыхъ намѣреній.

Аббатъ Мори. Всемогущій Боже! милость Твоя неизглаголанна и правосудіе Твое вѣчно! Буди покровомъ Наполеону, якоже ты просвѣтилъ великаго Константина для славы вѣры! — Такъ, Всемилостивѣйшій Государь, раскаяніе ваше будетъ пріятно Богу. Начинайте покаяніе ваше; будьте чистосердечны; откровенность и раскаяніе, доставятъ вамъ прощеніе во всѣхъ прегрѣшеніяхъ вашихъ.

Бонапарте. Съ самаго младенчества отличался я большою злостію. Я былъ сварливъ, упрямъ, любилъ красть и самовольничать. Величайшее удовольствіе мое было смотрѣть на текущую кровь. Я задиралъ всѣхъ дѣтей, которыхъ считалъ слабѣе себя; я былъ несносенъ

до того, что батюшка и матушка и всѣ родные отмѣнно были ради, когда опредѣлили меня въ военную Бріенскую школу: я былъ тогда девяти лѣтъ.

Аббатъ Мори. Сіи пороки младенчества вашего не важны по причинѣ свойства Корсиканскаго народа, который родится съ ними. Бріенская школа вѣрно изправила васъ очень скоро.

Бонапарте. Признаюсь, ничего нѣтъ справедливѣе того, что природа всегда возвращаетъ права свои. Въ первые два года я претерпѣлъ много неудовольствія. Часто драли меня плотно за мои шалости, и только одному странному произшествію обязанъ я, что меня не выгнали изъ сей школы. Въ углу библіотеки нашелъ какъ-то я Кромвелеву исторію, източенную молью. Я увидѣлъ, что любимое правило Протектора составляла пословица: Con arte e con inganno, si vive mezzo l'anno, con inganno e con arte, si vive l'altra parte (искуствомъ и обманомъ полгодика живешь; обманомъ да искуствомъ другіе проплетешь). Я удивился увидя успѣхи сего славнаго человѣка, который въ дѣлахъ своихъ слѣдовалъ вышесказанному правилу. Я затвердилъ его, размышляя о немъ сколько могъ по своимъ лѣтамъ и рѣшился не отступать отъ него. Съ тѣхъ поръ, я началъ скрывать себя по

обстоятельствамъ, и по тринадцатому году ни кто не могъ *равняться со мною* въ хитрости, обманѣ и лжѣ.

Аббатъ Мори. Позвольте замѣтить Вашему Величеству, что вы не должны забыть сказать мнѣ о состояніи нравственности, за которою такъ худо смотрятъ въ публичномъ возпитаніи. Я обѣщалъ вамъ показать средство совершить похвальный подвигъ, предпринятый вами. И такъ, продолжайте по замѣчанію, мною сдѣланному.

Бонапарте. Школа наша была жилищемъ ужаснѣйшаго разврата, который не токмо терпѣлся, но начальники побуждали еще къ оному своимъ примѣромъ. Я былъ изъ первыхъ негодяевъ. Перешедъ въ военную Парижскую школу, я нашелъ въ ней тѣже правила и дѣлалъ тоже, что въ Бріеннѣ. Я бѣсился на недостаточное свое состояніе; часто проклиналъ провидѣніе призывая смерть. . . .

Аббатъ Мори. Вашему Величеству лучше моего извѣстно, что смерть есть убѣжище трусовъ. Религія, натура и честь заставляетъ насъ пещись о нашемъ сохраненіи. Въ несчастіи только достойны мы названія человѣка, снося мужественно всю жестокость судьбы. Кто не извѣдалъ несчастія, тотъ не знаетъ еще всей силы высокихъ словъ *дружбы*, *счастія* и

твердости. Несчастіе есть оселокъ истинныхъ друзей, оно заставляетъ насъ чувствовать всю цѣну счастливаго положенія и даетъ намъ средство оказывать ту силу души, которая отличаетъ истинную добродѣтель.

Бонапарте. Важность всего этого чувствую я теперь, а тогда показалось бы мнѣ это романическимъ бредомъ. Я былъ бѣденъ, товарищи мои богаты; я считалъ себя несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Бывъ опредѣленъ въ первый артиллерійскій пѣхотный полкъ, я воспользовался притворствомъ, которое вознамѣрился принять правиломъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Я съ точностію исполнялъ приказанія своихъ начальниковъ, изъ коихъ большая часть была невѣжды; весь занялся своею ротою; нехотѣлъ коротко знакомиться съ другими офицерами, чтобы не дѣлать издержекъ свыше своего состоянія. Никогда не любилъ я долговъ; они уничижаютъ офицера, принуждая его дѣлать снисхожденіе презрѣнія достойнымъ заимодавцамъ. Время свое провождалъ я въ полезныхъ упражненіяхъ съ фельдвебелемъ своей роты, который отмѣнно зналъ практическую часть артиллеріи; теперь онъ полковникомъ въ Анверѣ; самый честный человѣкъ. — Меня упрекали, что я люблю уединеніе; я оправдывался желаніемъ

учиться, и уже многихъ обманывалъ своимъ шарлатанствомъ.

Аббатъ Мори. Въ етомъ я не вижу ничего худаго. Отвращеніе ваше отъ долговъ заслуживаетъ быть примѣромъ для всѣхъ молодыхъ офицеровъ, которые также очень хорошобъ сдѣлали, ежелибы подражали вашей скромности. Всѣ ваши полковники и генералы сдѣлались такими болтунами, что часто въ обществѣ не найдешь свободной минуты для изъявленія своего мнѣнія. Бывъ съ самой юности рядовыми или унтеръ-офицерами, они совершенно не знаютъ ничего, что составляетъ пріятность общества, какъ то, литтературы, исторіи, свободныхъ художествъ и пр. и пр. У нихъ на языкѣ только приступы да штыки; отвратительно видѣть, какъ ети господа думаютъ быть равными Александрамъ и Цезарямъ. Маршалъ Ожеро, нѣсколько дней тому назадъ въ одномъ многолюдномъ обществѣ выдавалъ себя за виновника побѣдъ вашихъ въ Италіи въ 1796. Онъ имѣлъ безстыдство сказать," что вы неслишкомъ завидны въ день сраженія." Вообще, надменность офицеровъ вашихъ доходитъ до чрезмѣрности. Желательно, чтобъ вы ихъ нѣсколько поуняли. Извините слова мои, вну-

шенные мнѣ усердіемъ къ славѣ Вашего Величества.

Бонапарте. Не говорите мнѣ объ етомъ. Я люблю чтобы начальники войска считали себя нѣсколько важными въ качествѣ первыхъ моихъ служителей. Теперь приступлю я къ появленію своему въ свѣтъ: ето случилось при осадѣ Тулона. Я былъ орудіемъ свирѣпства Баррасова и Фреронова. Я велѣлъ аркибузировать, разстрѣливать картечью и колоть штыками несчастныхъ жителей сего города по выходѣ изъ него Англичанъ.

Аббатъ Мори. Какъ военный человѣкъ, вы исполняли приказанія вашихъ начальниковъ. Въ етомъ вы невинны. Во всѣхъ етихъ ужасахъ Всевышній потребуетъ отчета отъ членовъ конвента.

Бонапарте. Бывъ переведенъ въ Италіянскую армію въ 1794, началъ я бранить всѣхъ генераловъ. По моему, тотъ былъ трусъ, етотъ дуракъ, етотъ грабитель, а тотъ лѣнивецъ и пр. Главнокомандующаго представлялъ я аристократомъ, а самъ притворялся быть первымъ якобинцемъ. Уже жадалъ я получить въ руки неограниченное начальство. Честолюбіе мое заставило подозрѣвать меня въ измѣнѣ, меня арестовали, пересмотрѣли всѣ мои бумаги, нашли ихъ въ хорошемъ порядкѣ

не нашедъ ничего подозрительнаго; по чему меня и освободили. Въ послужныхъ спискахъ однакоже не преминули отмѣтить меня какъ непокорнаго, вздорнаго и опаснаго для спокойствія и связи человѣка. Обри, въ пересмотрѣ своемъ генералштаба отставилъ меня съ половиннымъ жалованьемъ, какъ вздорнаго и безпокойнаго человѣка. Несправедливость ета меня очень огорчила. Я пріѣхалъ въ Парижъ проситься о принятіи опять въ действительную службу. Я былъ несчастенъ: всѣ отъ меня отворачивались. Небольшое жалованье мое было для меня недостаточно; и нѣсколько разъ покушался я прострѣлить себѣ черепъ. Можетъ быть я и сдѣлалъ бы ето безъ помощи, доставленной мнѣ семействомъ Г. Монвуазеня, который бывъ моимъ адъютантомъ, подвергся одной со мною участи. Чтобы не забыть, я долженъ разсказать вамъ о всей моей къ нему неблагодарности. Съ тѣхъ поръ какъ получилъ я отъ него особенные услуги видъ его возмущалъ всю мою внутренность, и при назначеніи експедиціи въ Сенъ-Домингъ, я далъ ему приказаніе отправиться въ ету колонію, гдѣ онъ и умеръ отъ желтой лихорадки. Когда же генералъ Сарразенъ, у котораго онъ былъ первымъ адъютантомъ, донесъ мнѣ о его смерти, то я почувствовалъ внутреннее удо-

вольствіе избавясь на всегда отъ свидѣтеля моей бѣдности, слабости и жестокости. Онъ видѣлъ дѣла мои 13 Вандемьера, не хвалилъ ихъ и вышелъ изъ моихъ адъютантовъ. Я намѣренъ приказать всѣмъ, занимающимся писаніемъ моей исторіи, чтобы они входили въ подробность дѣлъ моихъ только съ 1796 г., т. е. съ первой моей кампаніи въ Италіи. Но какъ нельзя не говорить о 13 Вандемьерѣ, по тому что произшествію етому обязанъ я всемъ, то министръ полиціи неусыпно смотритъ, чтобы печатали, *что безъ меня побоище Парижанъ былобы несравненно болѣе*, между тѣмъ, какъ долженъ вамъ признаться, что не токмо словами поощрялъ я солдатъ, но и показывалъ имъ примѣръ собою, бросаясь съ генералштабомъ въ кучи бѣгущихъ и рубя ихъ въ куски Баррасъ смотрѣлъ на насъ *издали*. Онъ счелъ меня достойнымъ быть по немъ первымъ: я хотѣлъ оправдать его довѣренность.

Аббатъ Мори. И тутъ вы только что повиновались, и я ничего не нахожу худаго въ вашемъ нечаянномъ нападеніи на улице св. Гонорія и Волтеровской набережной. Вы отмстили смерть несчастнаго Лудовика 16 и многихъ другихъ, невинно погибшихъ въ революцію. И я спасеніемъ своимъ обязанъ только присутствію духа, съ которымъ спросилъ

етихъ душегубовъ: *яснѣе ли они будутъ видѣть, повѣся меня на фонарномъ столбѣ?* Законъ возмездія, по моему, есть справедливѣйшій. Вы отразили силу силою. Храброе нападеніе ваше на безоружныхъ Парижанъ, приобрѣло вамъ совершенную любовь покровителя вашего Барраса, и навело ужасъ на Парижскихъ простаковъ, которые безъ вашего мужества возобновляли бы каждый день наглости свои противу конвента.

Бонапарте. Не хотя прерывать порядка въ признаніи грѣховъ своихъ, я долженъ также вамъ покаяться въ неблагодарности своей къ Бенезеку. Баррасъ, не смотря на *отличныя* дѣла мои въ Тулонскомъ побоищѣ принялъ меня довольно холодно, и перемѣнился только тогда, когда думалъ, что я могу быть полезнымъ для приведенія Парижанъ *въ умъ*. Бенезеку обязанъ я, что меня приняли опять въ службу. Онъ сильно просилъ за меня правителей, и когда сказалъ мнѣ о успѣхѣ своемъ, то я отъ радости забылся до того, что бросился черезъ столъ обнимать моего благодѣтеля. Это очень приятное чувство отмѣнно меня терзало, когда я сдѣлался консуломъ. Я зналъ, что толстые и любящіе удовольствія люди, недолго живутъ въ Сень-Домингѣ. Я отправилъ туда Бенезека пре-

фскпомъ колоніи, и скоро получилъ извѣстіе о его смерти, какъ мнѣ того и хотѣлось. Каждый день укоряю я себя въ етой жестокости: Бенезекъ былъ честный человѣкъ.

Аббатъ Мори. И праведникъ падаетъ по семи разъ на день. Натура, какъ вы изволите говорить, между великими свойствами, которыми васъ изукрасила, не одарила однакоже чувствительностію и благодарностію. Надобно стараться въ етомъ себя переломить. Сколь сладко изливать слезы! Вамъ надобно разкаяться въ несправедливыхъ поступкахъ вашихъ съ Монвуазеномъ и Бенезекомъ. Люди ети стоили лучшей участи, потому что были вамъ полезны. Впрочемъ, играя такое важное лице, какъ В. В., невсегда можно *согласоваться съ строгими законами совѣсти*.

Бонапарте. Такимъ образомъ, какъ я уже вамъ сказалъ, мнѣ пошелъ 42 годъ; но я не помню чтобы я когда либо плакалъ. Я видѣлъ кровь текущую ручьями, я проходилъ поля сраженія, усѣянные трупами приятелей и неприятелей; *глаза мои были сухи подобно труту*, и сердце мое наполнялось только удовольствіемъ побѣды. Надѣюсь что теплыми молитвами вашими вы испросите мнѣ у Всевышняго милость трогаться несчастіями смертныхъ. Трагедія 13 Вандемьера доставил-

ла мнѣ начальство надъ Парижемъ и надъ 17 военною дивизіею. Должность сія уязвляла мое самолюбіе и мѣшала честолюбію. Каждый день получалъ я премножество ни кѣмъ не подписываемыхъ записокъ, наполненныхъ ужасною истиною, и столица не представляла мнѣ ни малѣйшаго слѣда въ славѣ, которую я надѣялся только пріобрѣсти въ арміи. Я сталъ просить Барраса, сдѣлавшагося директоромъ, о доставленіи мнѣ мѣста, которое былобы важнѣе, мною занимаемаго. Онъ преклонился на мои неотступныя просьбы съ условіемъ однакоже, чтобы въ залогъ вѣрности своей ко Франціи, женился я, до отъѣзда, на вдовѣ генерала Богарне, которая считалась всѣми его любовницею. Я не долго колебался, хотя невѣста моя была стара и дурна. Она показалась мнѣ молодою и прекрасною, какъ скоро съ нею получалъ я главное начальство надъ Италіянскою арміею. Я женился на ней 8 Марта 1796, и на другой день свадьбы отправился изъ Парижа въ армію. Чистосердечно признаюсь, что въ бракъ сей вступилъ я по расчетамъ, не имѣвъ ни мало въ виду обязанностей, предписываемыхъ обществомъ и религіею.

Аббатъ Мори. Сего дня убѣждаетесь вы пріятнымъ опытомъ, что время всему научаетъ и

что терпѣніемъ приобрѣтаемъ мы награжденіе за труды. Я не хвалю причину, побудившую васъ жениться. Раскаяніе ваше доставитъ вамъ прощеніе въ етомъ заблужденіи. Будте увѣрены, что во всѣхъ моихъ молитвахъ не престану я умолять Предвѣчнаго Отца о дарованіи вамъ всѣхъ тѣхъ сладостныхъ изліяній сострадания, предвѣстниковъ блаженства, которыми одни только праведники наслаждаются *въ небѣсахъ и вѣчно!!*

Бонапарте. Въ послѣднее пребываніе мое въ Парижѣ узналъ я хорошо свойство Французовъ. Я убѣдился, что кто хочетъ сдѣлать изъ нихъ что нибудь, тотъ долженъ управлять ими *жезломъ желѣзнымъ.* Не могу изобразить вамъ въ точности той гордости, съ которою поступалъ я въ Италіи съ тѣми же людьми, которые за два года до того почти всѣ обращались со мной съ отвратительною надменностію. Какъ показались они мнѣ достойными презрѣнія своими угожденіями, чтобы заставить меня забыть прошедшее? Я былъ доволенъ Массеною; онъ былъ человѣкъ надежный; я отличилъ его отъ толпы ласкателей. Сдѣлавъ нѣкоторые предварительные разпоряженія въ арміи, я намѣревался напасть на Австрійцевъ, какъ съ радостію узналъ, что они сбили мои аван-

посты. Не буду говорить вамъ о моихъ военныхъ дѣлахъ: безъ сомнѣнія вы давно уже читали ихъ въ донесеніяхъ моихъ директоріи. Признаюсь что они наполнены самою безстыдною ложью, которая однакоже въ существѣ есть ничто иное, какъ политическая хитрость. Я увеличивалъ потерю непріятеля стараясь уменьшать по крайней мѣрѣ тремя четвертями французскую; часто приписывалъ я себѣ побѣду, хотя самъ былъ побитъ. Сидя спокойно въ кабинетѣ могъ я приискивать слова, которые будто употреблялъ въ самомъ пылу сраженія. Я далъ волю грабить, сквозь пальцы смотрѣлъ на хищенія своихъ генераловъ. Изъ 40 тысячь виновныхъ, я наказалъ только одного, и то рядоваго; строгости етой далъ я видъ торжественный, чтобы бросить пыль въ глаза зрителей и заставить ихъ думать, что я не терплю злоупотребленій, которые мнѣ самому доставляли большія деньги. Бертье во всѣ мѣста сажалъ надежныхъ начальниковъ; *давалъ имъ мастерскія инструкціи.* Старанія ихъ награждались щедро; выключая общихъ контрибуцій налагалъ я еще особенныя за освобожденіе отъ постоя, что доставило мнѣ большія деньги. При заключеніи Кампо-

Формійскаго міра, ни кто изъ частныхъ людей въ Европѣ не былъ богатѣе меня.

Аббатъ Мори. Хотя сребролюбіе есть одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ; но благородное употребленіе, сдѣланное вами изъ денегъ, заставляетъ меня быть снисходительнымъ. Не льзя считать васъ Гарпагономъ; почему и одобряю все то, что вы дѣлали въ Италіи имѣя въ виду политику. Но что касается до военныхъ вашихъ дѣлъ, то о нихъ говорятъ такъ различно, что, дабы имѣть настоящее понятіе, считаю нужнымъ, что бы вы сами изтолковали мнѣ ихъ хотя не много. Съ честію ли нападали вы подобно древнимъ рыцарямъ? Не употребляли ли вы лжи, обольщенія, а часто и излишней строгости? Скажите мнѣ откровенно *великую тайну*, которой приписываютъ ваши побѣды.

Бонапарте. Цезарю обязанъ я всѣми своими успѣхами. Етотъ великій военачальникъ сказалъ: *имѣй солдатъ, будутъ деньги; имѣй деньги, будутъ солдаты.* Сверхъ того Виргилій научилъ меня, что *золото есть ключь къ сердцамъ:* auri sacra fames, quid non mortalia pectora cogis. Ето, съ Кромвелевою пословицею, бывъ употреблено къ стату, должно было дать мнѣ видъ превосходства надъ всѣми военачальниками со времянъ Карла Великаго.

Завладѣвъ Миланомъ, я далъ Массенѣ случай обогатиться, впустя его перваго въ ету богатую столицу Ломбардіи. Дары, мнѣ поднесенные, раздѣлилъ я между генералами и полковниками, оставя себѣ очень не много. Я зналъ жадность Ожеро; по чему и набилъ карманы его золотомъ. Я давалъ чины, не былъ скупъ на похвалы, и слѣдствія были удивительны. Я не пренебрегалъ шпіонствомъ, которое такъ нужно. Бывъ еще на Альпійскихъ горахъ послалъ я въ Австросардскую армію разторопнаго человѣка, чтобы перессорить Больё съ Колліемъ, узнать намѣренія послѣдняго въ случаѣ неудачи, и показать, что для него выгоднѣе быть съ Французскою арміею, нежели съ Австрійцами. Я помѣстилъ также одного вѣрнаго человѣка въ генералштабъ Больё, а Миланскіе патріоты приготовляли жителей къ принятію Французовъ. Въ первое пребываніе мое въ Миланѣ, деньгами успѣлъ я достать себѣ надежнаго человѣка въ самомъ Тугутовомъ кабинетѣ. Онъ служилъ мнѣ съ удивительною вѣрностію до самого подписанія прелиминарныхъ пунктовъ въ Леобенѣ. Боясь быть изобличеннымъ, ушелъ онъ сперва въ Константинополь, а оттуда въ Варварійскія владѣнія. Какъ главнокомандующій получалъ я жалованья въ годъ только по 40000

франковъ, а ему давалъ по 100000 въ мѣсяцъ. Узнавъ что онъ въ безопасномъ мѣстѣ, любопытный етотъ случай и самолюбіе заставили меня разсказать его слишкомъ 50 генераламъ и офицерамъ, бывшимъ у меня въ главной квартирѣ въ Пассеріано, въ Октябрѣ 1797. Чтоже касается до военной системы, которую всѣ считаютъ будто я выдумалъ, увѣряю васъ что ето настоящій вздоръ. Я воюю, какъ всегда воевали всѣ генералы, имѣющіе здравый разсудокъ. Авторы, любящіе вводить новости, написали премножество книгъ, въ которыхъ ежели что есть хорошее, то выкрадено изъ старинныхъ сочиненій о военномъ искуствѣ. Думали что ето ново, потому что перемѣнены имена. Только и слышишь, что *о концентрированныхъ и ексцентрированныхъ движеніяхъ, относительно къ операціоннымъ линіямъ, которыя дѣлятъ на первую, вторую* и проч. *Увѣряютъ что войска мои ходятъ съ быстротою молніи, что я падаю какъ снѣгъ на голову.* Выхваляютъ *единство, подвижность, дѣятельность, согласіе* и прочіе названія, которыми увѣряютъ *невѣждъ, что я волшебникъ* или *феноменъ.* Но настоящаго ни кто еще не сказалъ. Всѣми моими побѣдами обязанъ я *многочисленности и дерзости.* Италіянская Французская армія,

когда я принялъ надъ нею начальство, была не выучена. Не было баталъона, который умѣлъ бы дѣлиться на плутонги по правиламъ. Сраженія, данные мною у Монтенотте, Миллезимо, Лодійскаго моста, Кастильонское, Аркольское и Риволъское, *были точно Турецкіе*, и если одержалъ я побѣду, то благодаренъ за нее *многочисленности* и *дерзости* моихъ войскъ, также и слабости непріятельскихъ генераловъ. У нихъ были прекрасные солдаты. Часто могли бы они замѣнять число выгодою мѣста или укрѣпленіемъ. Старость однихъ и соперничество или обольщеніе другихъ, удивительно мнѣ послужили. Я погибъ невозвратно, еслибы Алвинци умѣлъ возпользоваться робостію моихъ солдатъ послѣ Аркольскаго сраженія. Не считайте меня выше Тюренния, Великаго Конде, Принца Евгенія. . . Войну я считалъ только борьбою, въ которой сильнѣйшій преодолѣваетъ слабѣйшаго. Геній есть прекрасный идеалъ военнаго искуства, отважность составляетъ дѣйствительность онаго. Войски Александровы, Аннибаловы, Цезеревы и Помпеевы, изполняли повелѣнія своихъ военачальниковъ также, какъ и войски Принца Карла, Суворова, Моро и Италіянская армія. Сраженія Вюрцбуржское, Новійское, Гогенлинденское, и Ма-

ренжское можно уподобить сраженіямъ Дирахскому, Фарсальскому, Каннскому и Арбельскому.

Аббатъ Мори. Военныя хитрости въ военачальникѣ суть тоже, что риторическія фигуры въ ораторѣ. Онѣ не составляютъ ни какого грѣха. Онѣ сильно помогли вамъ къ выполненію приказаній правительства. Боюсь, что по *скромности* своей вы не скажите истины въ разсужденіи счастія, которое не отставаетъ отъ васъ въ войнѣ почти безпрерывно 14 лѣтъ. *Гласъ народа, гласъ Божій.* Публика до небесъ превозноситъ превосходство вашего военнаго генія; но не смотря на ето, вы мнѣ признаетесь, что только многочисленностію и *удальствомъ* вашихъ генераловъ, вы перемѣнили видъ твердыя земли? По етому вы, слѣдуя своимъ правиламъ, безъ сомнѣнія упорно стояли въ нападеніяхъ на непріятеля, худо обдуманныхъ, и лучше хотѣли жертвовать множествомъ людей, нежели по самолюбію отказаться отъ несообразности первыхъ вашихъ разпоряженій? Проступокъ етотъ важенъ въ глазахъ Предвѣчнаго, и если по несчастію вы впали въ оный, то надобно вамъ разсказать его нѣсколько подробнѣе и разкаяться чистосердечно. Безъ того, небо при послѣднемъ часѣ

вашемъ потребуетъ мщенія за кровь, пролитую вашимъ упорствомъ.

Бонапарте. Такъ, признаюсь въ етомъ къ стыду своему: Жизнь моя до сего дня есть ни что иное, какъ цѣпь ужасныхъ злодѣйствъ, произведенныхъ мною для удовольствія своего честолюбія. Не получа отъ природы хорошей наружности Клеберовой, неустрашимости Ланновой и рѣдкаго таланта Моро, я старался въ день сраженія обращать для себя въ пользу дарованія подчиненныхъ мнѣ генераловъ. Давно уже зналъ я премудрое правило Монтаньево, что *народъ есть скотина, на которой каждый ѣздитъ по очереди;* зналъ и то, что фортуна любитъ отважность: audaces fortuna juvat, timidosque repellit. Я чувствовалъ нужду подавать примѣръ собою, и не смотря на отвращеніе свое отъ пуль и ядръ, нѣсколько разъ показывался самъ съ тиральёрами. Ето приняли за наличныя деньги. Я подстрѣкнулъ трусовъ, храбрые превзошли самихъ себя и всѣ надѣлали чудеса. При осадѣ замка Коссаріи, отъ ошибки моей погибло около 800 человѣкъ храбрыхъ людей. Все нахальство Ожеро не могло устрашить храбраго Проверу, и онъ ни какъ не склонялся на дѣлаемые ему предложенія *моего покроя.* Еслибы въ Австрійскомъ войскѣ было поболѣе лю-

дей такого разбора, теперь я ничего бы не значилъ. Въ Аркольское сраженіе потерялъ я 4000 человѣкъ отъ смѣшнаго упрямства. Вмѣсто того, чтобы вытащить меня изъ лужи, въ которую я упалъ, лучше бы сдѣлали, еслибы меня въ ней утопили. Будте увѣрены, что дѣла въ Италіянскія мои кампаніи 1796 и 1797, по вышесказаннымъ двумъ причинамъ, случились болѣе нечаянно, нежели произведены *чрезвычайнымъ геніемъ*, какъ угодно выдавать ихъ приверженнымъ ко мнѣ. Я сдѣлалъ большую ошибку по переходѣ чрезъ Лодійскій мостъ, давъ Больё 18 дней осмотрѣться на Минчіо. Онъ возпользовался етимъ и запасъ Мантую провіантомъ. Враги мои говорили, что я сдѣлалъ ето единственно для того, чтобы продлить войну и пріобрѣсть славу. И подлинно, еслибы я погнался за Австрійцами, то наслѣдственныя области могъ бы завоевать безпрепятственно. Ужасныя арміи Журдана и Моро заставили бы Императора тогда же заключить миръ, который, болѣе отъ моихъ ошибокъ, нежели резсчетовъ, подписанъ только чрезъ годъ послѣ. Для достиженія онаго употреблялъ я лесть, угрозы и обѣщанія. Я нашелъ уполномоченныхъ къ заключенію сего мира,

которые казалось меня обожали. Для одного я былъ первѣйшимъ военачальникомъ въ древнемъ и новомъ мірѣ, другій говорилъ мнѣ, что я былъ такій искусный дипломатъ, съ какимъ онъ еще не встрѣчался. Кобенцель считалъ меня достойнымъ Императорской короны, а Галло равнялъ меня съ богами. Бывъ богатъ какъ Крезъ, я сорилъ деньгами. Я клалъ основаніе теперишнему моему величію. Прибывъ въ Раштадъ, я заговорилъ голосомъ повелителя; меня хвалили. Пріѣхавъ въ Парижъ, *я унизился чтобы возвыситься.* Я зналъ, что директоры были скудны умомъ и деньгами, а богаты тщеславіемъ и завистію. Я раздавалъ богатые подарки; притворился что люблю простоту, и жилъ очень уединенно. Я предложилъ сдѣлать експедицію, обѣщаясь произвесть ее на свой счетъ. Мнѣ хотѣлось, какъ Августу, расположить всѣхъ къ принятію опять монархическаго правленія, которое одно только прилично Франціи.

Аббатъ Мори. Безъ сомнѣнія вы хорошо обдумали слова Тацитовы, сказанные имъ въ его лѣтописяхъ, которыхъ, вторый параграфъ удивителенъ. . . Quum ferocissimi per acies aut proscriptione cecidissent, ceteri nobilium, quanto

quis in seruitio promptior, opibus et honoribus extollerentur и проч. и проч. *

Бонапарте. Вы отгадали. Тѣ самые люди, которые были для меня такъ полезны въ Италіи, составляли величайшую препону къ выполненію моего намѣренія сдѣлаться начальникомъ правительства. Они были записные якобинцы. Почти всѣ генералы и штабъ-офицеры были родомъ изъ Прованса, Лангедока и Гасконіи. Голова ихъ удивительно набита была *пустымъ словомъ свободы.* Надобно было сжить ихъ съ рукъ умненько. Не смотря на множество бѣшеныхъ патріотовъ, по повелѣнію моему перерѣзанныхъ, оставалось еще довольно *Брутовъ*, которые убили бы меня безжалости, еслибы при жизни ихъ разрушилъ я республику. Изъ сего числа былъ отчаянный Дюфо, который начальствовалъ надъ авангардомъ Массены. По моей милости убили его въ Римѣ. Избавляя меня отъ опаснаго друга, приобрѣтали для Франціи неприятеля, который былъ для нее болѣе полезенъ, нежели страшенъ. Римлянъ заставили дорого заплатить за убивство, въ которомъ они были невинны. Никогда не подозрѣвали чтобы я велѣлъ отравить генерала Гоша. За-

*) Когда храбрѣйшіе пали отъ оружія или осужденія, тогда изъ прочихъ вельможъ, кто былъ подлѣе, тотъ болѣе возвышался богатствомъ и почестями.

нявшій мѣсто его генералъ Ожеро долженъ былъ начать єто дѣло. Я велѣлъ приписать усмирителю Вандеи всю гнусность намѣренія его идти съ своимъ войскомъ противу совѣтовъ для поддержанія директоріи и способствованія происшествіямъ 18 фруктидора. Мнѣ одному хотѣлось получить всю отъ того выгоду. Между тѣмъ, какъ повѣренные мои избавляли меня отъ совмѣстника страшнаго сколько жестокостію своего нрава, столько и привязанностію къ нему войска, я въ пышныхъ словахъ превозносилъ военные его дарованія, которымъ никогда не вѣрилъ, и увѣрялъ окружающихъ меня, что я удивлялся сему человѣку въ ту самую минуту, когда онъ дѣлался жертвою моихъ вѣроломныхъ замысловъ. Я выбралъ для своей Египетской експедиціи полки, въ которыхъ офицеры были извѣстные демагоги. Сверхъ своихъ любимцевъ, я велѣлъ назначить генераловъ, коихъ храбрость и смерть могли быть для меня полезными. Я считалъ Клебера обыкновенныхъ человѣкомъ; почему и не хотѣлъ помѣстить его въ свой списокъ. Но увидѣвъ его, отдалъ ему должную справедливость; я нашелъ въ немъ превосходное достоинство и спѣшилъ избавить отъ него Францію. Я условился съ Луціаномъ и

Іосифомъ во всемъ до возвращенія моего, срокъ котораго почти былъ опредѣленъ. Я отправился изъ Тулона въ Мальту, гдѣ повѣренные мои все уже приготовили къ сдачѣ сей крѣпости.

Аббатъ Мори. До переѣзда вашего въ Африку, я считаю нужнымъ напомнить вамъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, о которыхъ, судя по ихъ важности, вы должны бы были мнѣ сказать. Миланское и Павійское аркибузированіе, разграбленіе послѣдняго города, сожженіе всѣхъ окружныхъ селеній, церковная татьба въ Лореттѣ, которую говорятъ вы себѣ присвоили, убивства, произведенные въ Луго и Веронѣ, занятіе обманомъ Ливурны и Анконы, и всѣ бѣдствія, которыми вы удручили цѣлую Италію и именно Венеціянскія области, всѣ своевольные сіи дѣла, отмѣнно грѣшные, требуютъ нѣкоторыхъ подробностей, чтобы могъ я знать до какой степени можно отнести ихъ на вашъ счетъ. Вы ни слова мнѣ не сказали о поведеніи вашемъ относительно къ нравственности. Носились слухи, очень для васъ невыгодные. Сіе забвеніе отмѣнно важно, хотя я и не думаю, чтобы оно было умышленно. Ежели небо внушило вамъ благое намѣреніе истиннаго обращенія къ добродѣтели, довершайте оное; будте велики въ подвигѣ, который можетъ снискать вамъ

прощеніе во всѣхъ вашихъ прегрѣшеніяхъ. Откройте мнѣ всѣ изгибы вашего сердца. Отъ чистосердечія вашего зависитъ ваше блаженство въ семъ и будущемъ мірѣ.

Бонапарте. Чего вы отъ меня хотите? Я виноватъ и очень виноватъ. Я думалъ, что войсками не льзя было удержать жителей въ повиновеніи. Я хотѣлъ навести на нихъ ужасъ. Увѣренъ, что подавъ поводъ къ Павійскому возмущенію, ускорилъ я его только нѣсколькими недѣлями. Я велѣлъ бить, грабить, насильничать и зажигать. Городъ сей не забудетъ етого и во сто лѣтъ. Викторово дурачество произвело жалобы о похищеніи сокровищь Лоретской Божіей Матери. Я приказалъ ему взять только *вещи самыя драгоцѣнныя*, а онъ вывезъ *все, даже мѣдь, обдѣланную въ серебро.* Я велѣлъ возвратить то, что не такъ было дорого. Поступокъ мой съ Венеціею есть такій макіавелизмъ, какого до сего не бывало. Увѣрясь въ мирѣ съ Австріею, я поддерживалъ возмущенія въ областяхъ твердой земли, принадлежащей республикѣ Венеціянской и насулилъ *золотыя горы* сенату и народу сего богатаго города. Я собралъ ужасныя контрибуціи; велѣлъ разстрѣливать всякаго, оказывавшаго себя врагомъ Франціи. Я расположилъ всю армію въ

Венеціянскихъ владѣніяхъ, гдѣ ее кормили жители; торжественно велѣлъ провозглашать республиканскіе правила *и кончилъ тѣмъ, что народъ етотъ продалъ Государю, извѣстному болѣе всѣхъ по своему самовластію въ Европѣ.* — Что касается до моей нравственности, то я самый грѣшный человѣкъ. Подробности, въ которыя я войду, ужаснутъ васъ. Я вамъ скажу всю правду. Но думаю, что статью ету надобно отложить до заключенія, пересказывая вмѣстѣ о войнѣ и политикѣ. Кажется теперь вы знаете мою исторію, не многое останется къ дополненію моихъ признаній, ежели вы будете продолжать столь же хорошо поддерживать мою память.

Аббатъ Мори. Будте увѣрены въ моемъ усердіи. Болѣе всего должны вы сокрушаться о ужасномъ поступкѣ *вашего Виктора* съ церковію Лоретской Божіей Матери. Я оставляю великодушію вашему возвратить частію или всѣ украденныя вещи, увѣряя васъ, что ежели вы сдѣлаете послѣднее, то *очень много* подвинитесь къ усовершенію. Теперь перейдемъ въ Африку. Послѣ напомню я вамъ о оскорбленіяхъ, сдѣланныхъ папѣ, намѣстнику Христову на землѣ, *отцу правовѣрныхъ.*

Бонапарте. Мнѣ надобны были деньги, а у Римлянъ онѣ были. Я долженъ былъ требо-

вать большія суммы, которыя были для меня отмѣнно полезны. Пять милліоновъ бриліантовъ, данныхъ мнѣ въ слѣдствіе Толентинскаго договора, и которые директорія по простотѣ своей мнѣ подарила, послужили мнѣ удивительно. Тяжко для меня было обдирать такъ почтеннаго главу правовѣрныхъ; но нужда не имѣетъ законовъ. Нѣсколько изъ сихъ бриліантовъ, искусно розданные, въ два дни отдали мнѣ въ руки Мальту, которая послѣ два года держалась противъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Англіи. Прибывъ въ Каиръ, я считалъ полезнымъ для благосостоянія арміи, объявить себя *посланнымъ отъ пророка Магомета* для избавленія Египта отъ мучительства Беевъ и грабительства Мамелюковъ. *Я выдалъ себя за мусульманина*, и за врага папы; хвалился что выгналъ изъ Мальты тѣхъ храбрыхъ рыцарей, которые при вступленіи своемъ въ орденъ, клялись воевать до послѣдней капли крови съ каждымъ магометаниномъ. Въ сихъ нѣкогда благословенныхъ странахъ я учетверилъ всѣ ужасы, сдѣланные мною въ Италіи. Если когда хотѣлось мнѣ достать денегъ, то я приказывалъ подущать къ возмущенію. Заставляя убивать нѣсколькихъ Французовъ, собиралъ я милоны. Я велѣлъ убить бѣшенаго Дюпои,

Робеспьера Тулузскаго, стараго полковника 32[й] *храброй полубригады*. Онъ былъ изъ числа тѣхъ якобинцевъ, которые хотѣли истребить всѣхъ царей, и во всемъ походилъ на Дюфо, котораго отправили на тотъ свѣтъ паповы сбирры. Дюпюи былъ коммендантомъ въ Каирѣ. Онъ вздумалъ разогнать съ нѣсколькими драгунами довольно большую толпу жителей. Его ранили смертельно и онъ умеръ желая *вѣчнаго продолженія любезной своей республикѣ*. Многіе офицеры подверглись одной съ нимъ участи. Притворясь, что это меня раздражило, я вывелъ своихъ людей съ артиллеріею. Побоище было ужасное. Я поступилъ съ этими гнусными Турками точно также, какъ съ Парижанами 13 Вандемьера. Но кровь для меня ничего не значила; у меня въ умѣ было со всѣмъ другое. Городъ изпросилъ себѣ прощеніе только золотомъ. Я умилосердился. Спокойствіе возстановилось въ Каирѣ. Такая единообразность не сходствовала съ моимъ вкусомъ и намѣреніями. Мамелюки изчезли. Арабы боялись и ни кого болѣе не убивали. Армія была въ совершенномъ здоровьи. Я видѣлъ что буду занимать только скучное мѣсто Египетскаго паши, ежели не постараюсь уменьшить арміи, дабы имѣть предлогъ

уѣхать въ Парижъ для изпрошенія подкрѣпленія у директоріи. Я пошелъ въ Сирію взявъ съ собою 15,000 отборныхъ людей. Въ Яффѣ, которая была взята *почти* приступомъ, я велѣлъ перерѣзать весь гарнизонъ, хотя онъ и сдался на дискрецію. Онъ состоялъ изъ 4000 магометанъ.

Аббатъ Мори. Вѣрно вы забыли предложить имъ принять христіанскую вѣру. Дѣло это было бы коротко, и ежели бы вы разстрѣляли ихъ только тогда, когда они уже крестились, то сдѣлали бы благое дѣло, потому что они пошли бы прямо въ рай. Жаль, что къ коллекціи ученыхъ, васъ сопровождавшихъ, не присоединили вы хотя *капральства миссіонеровъ*. Впередъ не забывайте пещись о разпространеніи нашея святыя вѣры. Вы отъ того получите болѣе успѣха въ славныхъ вашихъ предпріятіяхъ. Вы дурно сдѣлали что выдали себя за магометанина. Вы сравнялись съ ренегатами, и грѣхъ этотъ гораздо тяжелѣе всѣхъ вашихъ грабительствъ, зажигательствъ и душегубствъ. Я не могу счесть военною хитростію забвенія всѣхъ христіанскихъ вашихъ обязанностей. Будьте преданы религіи отцевъ вашихъ, и обрящете покровительство Бога побѣдодателя. Я хвалю средства ваши доставать деньги. Что

же касается до генераловъ Гоша, Дюфо и Дюпюи, отъ которыхъ удалось вамъ избавить общество, то ничего болѣе не остается мнѣ какъ поздравить васъ съ искуснымъ расположеніемъ тайныхъ мѣръ для достиженія своей цѣли. Вы очистили свѣтъ отъ множества такого же разбора людей, но все еще остается вамъ много дѣла. Избавте насъ, ради Бога избавте насъ, Ваше Величество, отъ того множества террористовъ, которые занимаютъ еще первые мѣста въ государствѣ, и только ожидаютъ удобнаго случая, чтобы поставить снова вверхъ дномъ тотъ порядокъ, который такъ удачно возстановленъ Вашимъ Величествомъ.

Бонапарте. Если я просилъ васъ о успокоеніи моей совѣсти, то ни мало не думалъ давать вамъ права совѣтовать мнѣ какъ управлять государствомъ. Всѣ люди, занимающіе мѣста, занимаютъ ихъ по моей волѣ. Замѣчанія ваши о нихъ со всѣмъ излишни. Я умѣлъ различить ентузіасмъ отъ жестокости и истинный патріотисмъ отъ революціоннаго бѣшенства. Сами вы недавно еще опытомъ узнали, что я могу прощать. Вы знаете, что я отъ природы люблю истреблять; слѣдственно вы должны преклонять меня къ кротости и милосердію, а не поощрять къ

мщенію и строгости. Каюсь, что я былъ жестокъ. Я считаю себя чудовищемъ; ужасаюсь самъ себя, и успокоюсь тогда только, когда вы меня разрѣшите увѣривъ, что прощены всѣ мои прегрѣшенія. Теперь, приступлю я къ осадѣ Акры. Какое страшное напоминовеніе! Я не сожалѣю, что потерялъ тутъ 4000 человѣкъ, по тому что на то ихъ и привелъ; но буду всегда мучиться тѣмъ, что всѣ атаки мои, самыя дерзкія какія только когда бывали, были по пустому, и въ которыхъ побиты лучшіе мои генералы и храбрѣйшіе солдаты. Англинскій адмиралъ Сидней Смитъ и одинъ Французскій инженеръ умѣли уничтожить всѣ мои усилія. Рѣшась снять осаду, я хотѣлъ вознаградить ее нападеніемъ на нѣкоторыя кочующія орды и сожженіемъ нѣсколькихъ селеній. Я доставлялъ сюжетъ разсказамъ Бертье и оправдывалъ мнимыми большими побѣдами у горы Ѳавора, Фули и Іордана самую глупую експедицію, какъ въ разсужденіи войны, такъ и здравой политики. Я сожалѣлъ, что Клеберъ счастливо отдѣлывался отъ величайшихъ опасностей, которымъ часто я его подвергалъ, стараясь избавиться отъ человѣка, созданнаго природою быть моимъ учителемъ въ сраженіяхъ. Онъ мнѣ отмѣнно не

понравился при началѣ осады, вздумавъ быть знающее меня. Я никогда етого не прощаю. Послѣ вы увидите, что онъ *не потерялъ ничего ожидая.* Прежде возвратнаго перехода черезъ пустыню, я приказалъ отравить ядомъ около 500 человѣкъ, зараженныхъ чумою или больныхъ, коихъ не токмо не льзя было перевозить, но и опасно. Лекари считали ихъ какъ мертвыми; слѣдственно, часъ ихъ смерти ускоряли только нѣсколькими днями. Меня очень укоряли за принятіе такой мѣры, хотя она внушена была здравымъ разсудкомъ. Извѣстно съ какою жестокостію поступаютъ Турки съ своими плѣнными прежде нежели отрубятъ имъ голову. Говорили, что я могъ бы ихъ поручить сиру Сиднею Смиту, который, видя состояніе сихъ несчастныхъ, могъ бы избавить ихъ отъ мщенія музульманъ. Признаюсь, ето было бы лучше, еслибы пришло мнѣ въ голову; но она набита была такимъ множествомъ другихъ вещей, важныхъ въ критическомъ моемъ положеніи; что забвеніе свое считаю не столько хулы достойнымъ, сколько приступы мои къ Акрѣ были глупы. Не могу описать вамъ затрудненій при переходѣ чрезъ пустыню. Неудовольствіе арміи дошло до чрезмѣрности. Генералы, офицеры и сол-

даты, всѣ проклинали меня за мое честолюбіе. Многіе солдаты убивали самихъ себя; одинъ гренадиръ застрѣлился въ нѣсколькихъ отъ меня шагахъ, разругавъ меня ужаснѣйшимъ образомъ. Самъ Клеберъ осмѣлился предо мною изъявить неудовольствіе, угрожая возмущеніемъ, если я тотчасъ не перемѣню первыхъ своихъ разпоряженій. Всю эту бурю разсѣялъ я присутствіемъ духа и твердостію. Я показывалъ видъ что сострадаю о солдатахъ; ободрялъ ихъ обѣщаніями, ласкалъ ихъ самолюбію отмѣнно выхваляя мужество ихъ въ перенесеніи трудностей и недостатковъ, и храбрость въ сраженіяхъ. Клебера заставилъ я молчать угрожая разстрѣлять его передъ его дивизіею, если онъ не велитъ въ точности изполнять всѣхъ моихъ приказаній. Пришедъ въ Каиръ, я выдалъ прокламаціи къ войску и жителямъ, что бы выхвалить дѣла свои въ Сиріи и заставить уважать всѣхъ тѣхъ, которые въ нихъ участвовали. Намѣреніе мое выполнилось только въ половину. Если бы удалось мнѣ завладѣть Акрою, то я оставилъ бы въ этой крѣпости сильный гарнизонъ подъ начальствомъ Ренье. Клебера послалъ бы обратно въ Египетъ съ его дивизіею черезъ пустыню; а самъ, подъ предлогомъ переѣхать

въ Каиръ моремъ, отправился бы изъ Акры во Францію; но судьба рѣшила иначе. Мнѣ удивительно послужила высадка Турокъ въ Абукирѣ; я разбилъ ихъ на голову. Успѣхъ етотъ заставилъ на тотъ разъ забыть глупую мою експедицію въ Сирію. Болѣе всѣхъ кричавшіе замолкли и отдавали справедливость военнымъ моимъ дарованіямъ. Я воспользовался сею моральною тишиною для приуготовленія своего отъѣзда. Я зналъ все, что дѣлалось во Франціи: Луціанъ и Іосифъ съ аббатомъ Сіеисомъ, извѣщали меня о всѣхъ происшествіяхъ. Не надобно было терять минуты, чтобы пріѣхать еще въ пору. Сама директорія чувствовала свою ничтожность и безсиліе дѣлать добро. Мнѣ не надобно было колебаться. Исторія откроетъ вамъ тайну моего путешествія, которое дало поводъ ко многимъ заключеніямъ. Пріѣхавъ въ Парижъ, я узналъ отъ Сіеиса, что по смерти Жуберта, отправилъ онъ ко мнѣ два неутральныхъ судна для переѣзда моего во Францію, считая присутствіе мое необходимымъ для поправленія военныхъ и политическихъ несчастій, сдѣланныхъ дурачествомъ генераловъ и глупостію и несогласіемъ совѣтовъ и директоріи.

Аббатъ Мори. Я отдаю справедливость глубокимъ познаніямъ вашимъ въ политикѣ. Если рука или нога въ антоновѣ огнѣ, то надобно ее отрѣзать, чтобы спасти остальныя части тѣла. Хотя вы говорите, что въ Сиріи потеряли только 4000 человѣкъ; но я изъ вѣрныхъ рукъ знаю, что 8000, и что въ Каиръ возвратились вы только съ 7000 изъ 15 пошедшихъ съ вами изъ Египта. Если ошибкою прибавите вы сотни двѣ или три къ числу умершихъ, которыхъ сочли вы нужными для выполненія своихъ намѣреній, то я не буду вамъ дѣлать замѣчаній; но если вы въ половину уменьшаете потерю, въ которой признаются всѣ ваши сотрудники, то долженъ попросить у васъ изъясненія, чтобы поправить ваше объявленіе или выдти изъ сомнѣнія, дабы изповѣдь ваша была такъ изправна, какъ только можно.

Бонапарте. И подлинно я думаю, что вся потеря могла простираться тысячь до осми убитыми, съ оружіемъ въ рукахъ, задавленными, посаженными на колъ, обезглавленными, утопленными въ мѣшкахъ по взятіи въ полонъ, или умершими отъ чумы и другихъ болезней. Я такъ привыкъ лгать для уменьшенія своихъ потерь, что напередъ прошу

прибавлять и прибавлять много въ мнѣніи, которое вы составляете себѣ о моихъ признаніяхъ. Вообще, я привыкъ удвоять число умершихъ и раненыхъ неприятелей; а взятыхъ въ полонъ всегда класть въ четверо болѣе. Въ разсужденіи же своихъ умершихъ кладу только десятую, а раненыхъ пятую долю. Почти никогда не признаюсь, чтобы брали у меня въ полонъ изъ рядовъ, *выключая одного какого значущаго человѣка, и то нечаянно.* Ложь эта не вредна ни кому, придаетъ мнѣ блескъ и ободряетъ войско. Бертье очень хорошо знаетъ *военный мой тарифъ*, и мнѣ рѣдко доводится поправлять его счеты.

Аббатъ Мори. Это очень хорошо. Я знаю все достоинство вѣрнаго вашего сотрудника и ни кто болѣе моего не отдаетъ ему должной справедливости. Я не могу похвалить скрытности, съ которою вы возвратились во Францію. Я долженъ открыть вамъ слухи, носящіеся въ обществахъ лучшихъ людей. Говорятъ, что еще въ Леобенѣ знали вы о намѣреніяхъ Пишегрю въ пользу Бурбоновъ; что вы казались неуклоняющимися отъ содѣйствія къ возведенію ихъ на престолъ, что въ слѣдствіе того прибыли вы въ Миланъ, отъ куда приказали задержать секретаря

Русскаго посольства въ Венеціи при переѣздѣ его въ Тріестъ, гдѣ былъ генералъ Бернадотъ, между тѣмъ какъ приглашали генерала Дезе пріѣхать къ вамъ подъ предлогомъ осмотра мѣстъ, на которыхъ сражалась Италіянская армія; что вы успѣли обмануть Кобенцеля; етого хамелеона въ дипломатикѣ; что вы предувѣдомлены были о приходѣ Русскихъ, коихъ успѣхи легко было предвидѣть; что условленось было въ томъ, чтобы ваша *ужасная* експедиція отправилась тихонько изъ Тулона, Чивиты Веккіи и Мальты, и прибыла въ Египетъ *инкогнито*, подобно Булонскому каперу, который, пользуясь туманомъ или ночною темнотою, переѣзжаетъ Па-де-Кале чтобы захватить купеческіе суда подъ Дуврскими пушечными выстрѣлами; что вы возвратитесь при удобномъ времени, чтобы сдѣлаться начальникомъ правительства; и что наконецъ успѣвъ возстановить монархію, вы возвратите Франціи ея законнаго государя, довольствуясь чиномъ коннетабля или генералиссимуса. Вы обманули, говорятъ, всѣ Европейскіе кабинеты въ ихъ надеждѣ, не исключая и Сенъ-Джемскаго.

Бонапарте. Французы отъ природы любятъ болтать, и хотя вы родились подданнымъ папы въ Авиньонскомъ графствѣ, но и въ

вась есть тотъ же порокъ. Я знаю, что всякій что нибудь выдумываетъ на мой счетъ. Часто обманываются, иногда отгадываютъ, и всегда дѣлаютъ меня виноватымъ. *Рубашка къ тѣлу ближе.* Я всегда слѣдовалъ этому правилу. Не ужели вы думаете, что я подвергался опасности быть убитымъ въ Сень-Клудскомъ подвигѣ своемъ противу пятисотнаго совѣта, чтобы возвести на престолъ человѣка, совершенно для меня чуждаго? Я родился Корсиканцемъ, подданнымъ Генуэзской республики. При самомъ рожденіи я дышалъ ненавистію къ Французамъ. Отечество мое терзали; Корсиканцевъ рѣзали какъ овецъ; гонялись за ними по лѣсамъ какъ за дикими звѣрьми. Слѣдственно, я съ молокомъ всасывалъ въ себя презрѣніе, которое всегда будетъ поселять непостоянство Французовъ, и не упущу ни одного случая мстить за ужасы, произведенные въ Корсикѣ 1766 г., въ который я родился. Такое желаніе вѣрно покажется вамъ очень виновнымъ. Оно врѣзалось въ сердцѣ мое неизгладимыми словами. Мнѣ надлежалобы ни кому не говорить о немъ; но оно вырвалось у меня силою истины. Тотъ ученый географъ, который сказалъ, что *Корсиканцы отъ природы завистливы, мстительны и жестоки*, очень хорошо зналъ насъ.

Аббатъ Мори. Чистосердечіе ваше меня возхищаетъ. Мы не сами себя создали. Мы всѣ несовершенны. *Всякій человѣкъ есть ложь.* Часто, иное зло бываетъ нужно, чтобы отвратить другое, которое гораздо больше. Я васъ прошу быть умереннѣе. Тотъ обманулся, кто сказалъ, что *мщеніе есть удовольствіе боговъ.* Блаженъ государь, слѣдующій только правосудію! Излишняя доброта души довела славнаго предшественника вашего до ешафота. Я знаю, что снисхожденіе, какъ и строгость, имѣетъ свои границы. Вспомните, что вы теперь Французы по обязанности, и принуждены заставлять считать себя ихъ другомъ, если хотите чтобы они привыкли признавать васъ своимъ государемъ.

Бонапарте. Вы совѣтуете по пустому. Внуки мои могутъ пользоваться етимъ, если сынъ мой будетъ счастливѣе Кромвелева. Родъ мой можетъ утвердиться на престолѣ не иначе, какъ столѣтнимъ тиранствомъ. Возвратимся къ назначенію меня въ Консулы. Во время отсутствія моего, друзья мои приготовили все, чтобы заставить желать перемѣны правительства. Они льстили всѣмъ партіямъ: ройялисты, модеранты и якобинцы, всѣ считали меня очень къ себѣ расположеннымъ. Я старался поддерживать ихъ въ

добромъ мнѣніи, которое казалось они обо мнѣ имѣли. Я говорилъ о поправленіи финансовъ, и издали показывалъ побѣды, которыя можно было получить соединеніемъ воль и средствъ. Якобинцы первые начали недовѣрять моимъ намѣреніямъ; модеранты пристали ко мнѣ; ройялисты не показывались: они ждали чѣмъ кончится ета борьба надѣясь возпользоваться ею. Я перессорилъ республиканцевъ посредствомъ нѣкоторыхъ *ложныхъ братій*, которые очень хорошо играли свою ролю; однако же не смотря на всѣ мои предосторожности, думаю что безъ брата моего Луціяна, удалось бы бѣшенымъ террористамъ пятисотнаго совѣта, разрушить мой планъ. Вой ихъ препятствовалъ мнѣ привести ихъ въ разсудокъ. Вспомня о смерти Цезаря въ сенатѣ, я совершенно потерялъ себя; на силу стоялъ на ногахъ; весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; я очень зналъ, что ето отъ страха, но говорилъ, что отъ гнѣва. Генералы Лефевръ, Леклеркъ и Мюратъ были не въ лучшемъ моего состояніи. Ни кто не имѣлъ силъ говорить съ солдатами. Луціянъ сказалъ имъ рѣчь, какъ будто вѣкъ свой былъ военнымъ человѣкомъ. Онъ говорилъ имъ о повиновеніи; спросилъ ихъ, не будутъ ли они презирать тѣмъ изъ сво-

ихъ товарищей, который не послушался бы своего начальника? Они въ етомъ согласились. Тутъ онъ представилъ имъ, что будучи президентомъ пятисотнаго совѣта, они должны считать бунтовщиками всѣхъ тѣхъ депутатовъ, которые не присоединятся къ нему, потому, что онъ ихъ начальникъ. Леклеркъ, который былъ сметливъ, возпользовался етою минутою изступленія, и ввелъ отрядъ свой въ залу пятисотныхъ съ заряженными ружьями. Депутаты покидались въ окошки и сраженіе выиграно. Бернадотъ, который на канунѣ хотѣлъ со мною драться, когда разсказалъ ему свое намѣреніе, остался въ Парижѣ. Журданъ *кума* не разсудилъ за благо пріѣхать въ Сень-Клу. *Ета дубина* перепортила бы все. Ему втолковали, что очень хорошо не слушаться опредѣленія, по которому совѣты переведены въ Сень-Клу. 11 Ноября 1797 г. я представлялъ лице Короля Французскаго. Я созвалъ всѣ первыя государственныя власти; говорилъ какъ государь и съ радостію увидѣлъ что совершенно обольстилъ всѣхъ. Я осудилъ въ ссылку нѣкоторыхъ отчаянныхъ якобинцевъ; даровалъ покровительство всѣмъ тѣмъ, которые показывали видъ разкаянія; далъ денегъ Лефевру, коммендапту Парижскому; по-

слалъ переговорить съ Бернадотомъ, зная что онъ очень любимъ солдатами, и велѣлъ обѣщать ему почести и богатства. Я принужденъ былъ уважать его, потому что онъ женился на Iосифиной невѣсткѣ. Въ етомъ примореніи, я слѣдовалъ только тогдашнимъ моимъ выгодамъ, рѣшась возпользоваться первымъ случаемъ выгнать его изъ отечества во что бы то ни стало. Генералъ Моро былъ для меня полезенъ въ Луксамбургѣ. Я хотѣлъ оказать ему свое удовольствіе выдавъ за него сестру свою Каролину. По моему приказанію напечатана въ журналахъ одна статья на канунѣ дня, который назначилъ я Моро пріѣхать къ себѣ для совѣта о походѣ его въ Германію. Когда принесли газеты, я подалъ одну ему, а другую взялъ самъ довольно холодно. Пробѣжавъ ее, я сказалъ улыбаясь: *ети Парижане отмѣнные болтуны*! Я прочелъ ему статью, онъ отклонилъ предложеніе и я заговорилъ о солдатахъ и позиціяхъ. Его умѣренность и великая слава въ военныхъ дѣлахъ ручались мнѣ за спокойное царствованіе и привязанность войскъ. Еслибы удалось мнѣ сдѣлать Моро своимъ зятемъ, то я объявилъ бы себя Императоромъ тотчасъ послѣ Маренжскаго сраженія. И такъ, я каюсь,

что въ сіи три дни, 9, 10 и 11 Ноября, употреблялъ по перемѣнно то ложь, то насиліе, и захватилъ собственность Бурбоновъ; ибо не замедлилъ торжественно водвориться въ Тюлерійскій ихъ дворецъ. Признаюсь, что я не иное что, какъ похититель. Это зло необходимое. Возвращеніе Бурбоновъ во Францію причинило бы гораздо болѣе кровопролитія, нежели революція. И такъ, я долженъ предварить васъ, что охотно подвергнусь всему, что вы на меня ни наложите, чтобы удостоиться получить совершенное прощеніе; однакоже съ тѣмъ условіемъ, чтобы никогда не требовать отъ меня *Императорской* моей короны. Я одарю церкви и постараюсь вознаградить покраденное въ Лореттѣ.

Аббатъ Мори. Я очень увѣренъ въ привязанности вашей къ церкви католической, апостольской и римской, которая считаетъ себѣ славою имѣть васъ старшимъ своимъ сыномъ. Для меня очень прискорбно, если вы могли счесть меня способнымъ предлагать вамъ отказаться отъ *двухъ* престоловъ, пріобрѣтенныхъ вами толикимъ трудомъ и пролитіемъ толикой крови. Правосудіе предвѣчное непреложно. Повинуйтесь его опредѣленію. Послѣ скажу я вамъ, что остается вамъ сдѣлать для августѣйшихъ потомковъ св.

Лудовика. 18е брюмера есть мастерское ваше дѣяніе. *Вы обуздали два миліона якобинцевъ;* искусно сбыли съ рукъ многихъ изъ ихъ начальниковъ; другимъ бросили глодать нѣсколько костей ожидая случая обратить ихъ опять въ ничтожество. Что вы называете насиліемъ ударя въ штыки на упрямыхъ депутатовъ, то мнѣ кажется дѣломъ справедливымъ. Еслибы вамъ неудалось, *васъ бы четвертовали.* Побѣда ваша повергла къ ногамъ вашимъ Францію. Я благословляю небо, что оно покрыло щитомъ своимъ виновника толь счастливой перемѣны. Я долженъ повторить, что ложь ваша есть хитрость, позволительная какъ въ политикѣ такъ и въ войнѣ, если она способствуетъ благому намѣренію. Говорятъ, что Баррасъ и Ожеро были для васъ очень полезны заставя принимать дурныя мѣры недовольныхъ; въ число которыхъ разсудили вы за благо помѣстить ихъ. Увѣряютъ, что Баррасъ оказалъ вамъ величайшія услуги начиная отъ Тулона до 18 брюмера; что вы обѣщали сдѣлать его вторымъ консуломъ, и перестали смотрѣть на него, когда онъ сдѣлался болѣе для васъ не нужнымъ. Вы могли бы сохранить благопристойность. Неблагодарность означаетъ дурное сердце. Онъ васъ сдѣлалъ главноко-

мандующимъ надъ Италіянскою арміею, и ежели взялъ васъ въ товарищи 13 вандемьера, то кажется и вамъ надлежало бы доставить ему при себѣ тоже званіе, когда вы заступили его мѣсто. Вашъ Кастильонскій побѣдитель, герой 18 фруктидора, исполнилъ наставленія ваши очень благоразумно, чего отъ него и ожидать было не льзя. Онъ такъ хорошо выль съ волками, что даже *ошибиться можно*. Изполнивъ долгъ свой, онъ тотчасъ возвратился по условію. Однакоже я не вѣрю привязанности его къ вамъ: берегитесь его; онъ съ вами сыграетъ что нибудь по своему; у него такій видъ, который показываетъ скверную душу. Онъ ласкается къ вамъ, по тому что вы даете ему бриліянты. Вспомните, что человѣкъ безъ вѣры и нравственности, есть опасная животина.

Бонапарте. Вы можете на меня положиться. Я знаю людей, и опытомъ дозналъ, что одна только выгода управляетъ всѣми ими. Знаю, что если бы я былъ несчастливъ, то не только Ожеро, но и вы сами бросили бы въ меня первый камень. Знайте, что я считаю себя аптекаремъ, который лекарства свои умѣетъ составлять съ пользою изо всего, даже изъ самаго жестокаго

яда. Я принялъ правило, составившее величіе папъ: si vis regnare, divide (*если хочешь владѣть, ссорь*), и съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался главнокомандующимъ, занимался шпіонствомъ и всѣхъ ссорилъ. Я сводилъ людей, различавшихся и нравомъ и мыслями. Это считалось дѣломъ случайнымъ, хотя дѣлалось съ отмѣннымъ разсчетомъ. Я представлялъ лице примирителя; но когда примиреніе дѣлалось невозможнымъ, то дозволялъ перемѣну, которая почти всегда имѣла тѣ же затрудненія: *казалось изъ огня бросались въ пламя*, и окончивали тѣмъ, что жаловались по тихоньку. Я выполнялъ свою цѣль и узнавалъ все даже до мѣлочей. Теперь во Франціи и во всей Европѣ употребляю я тѣ же средства, которые такъ хорошо удались мнѣ въ Италіянской арміи и въ Египтѣ.

Аббатъ Мори. Что для гражданина было бы очень не похвально, то часто дѣлается обязанностію для государя. Сколько согласіе нужно для благосостоянія семейственнаго, столько оно опасно между чиновниками честолюбивыми и безпокойными, коихъ сварливый и буйный духъ безпрестанно заводитъ безпорядокъ, а особливо послѣ революціи. Я васъ убѣдительно прошу удвоить вашу недовѣрчивость: *она есть мать безопа-*

сности. Ни чѣмъ лучше не могу я доказать вамъ приверженности епископовъ Галликанской церкви, какъ увѣря васъ, что въ данныхъ ими секретныхъ наставленіяхъ сказано, что ежели *посредствомъ изповѣди* откроется что нибудь важное для общественнаго спокойствія, то немедлѣнно доносить о томъ духовныхъ дѣлъ министру Вашего Величества, дабы онъ снесся съ кѣмъ должно для утушенія заговора не нарушая спокойствія *честнаго* священника, открывшаго оный. У васъ во Франціи есть 80 тысячь священнаго сана людей, коихъ услуги и вѣрность безъ прекословія превозходятъ достоинство 80 тысячь гренадировъ или кирасировъ. Что у васъ остается на совѣсти послѣ 18 брюмера?

Бонапарте. Справедливо сказано, что честолюбіе ослѣпляетъ людей, а особливо завоевателей. Не смотря на всю пышность, меня окружающую, я содрогаюсь размышляя о множествѣ и ужасности злодѣяній, которые служили мнѣ такъ сказать ступенями для возшествія на престолъ твердой земли Европы. Не доходя еще до сей страшной необходимости, я хотѣлъ дать публикѣ выгодное понятіе о моемъ положеніи и намѣреніяхъ. Хотя я и не имѣлъ нужды въ день-

гахъ, однако же созвалъ Парижскихъ банкировъ. Я принялъ ихъ милостиво, обѣщая покровительство и лучшее состояніе впередъ. Они пришли трепеща, чтобы я не потребовалъ отъ нихъ денегъ; но я ни мало не хотѣлъ дѣлать такого дурачества. Я говорилъ какъ миліонщикъ, и они возвратились домой осыпая меня благословеніями. Я поселилъ въ нихъ надежду на миръ, даже съ Англіею. И въ самомъ дѣлѣ я написалъ къ Королю Георгу III; въ Лондонѣ однако же скоро увидѣли, что я пускаю пыль въ глаза; почему и отвѣчали ни то ни сё. Послѣ вѣрно порадовались етому, когда узнали предписанія, оставленные мною генералу Клеберу при отъѣздѣ моемъ изъ Египта. Я ему совѣтовалъ вести переговоры и съ Турками и съ Англичанами, *чтобы выиграть время.* Перехваченныя и напечатанныя Англичанами депеши доказывали, что Клеберъ былъ не только недоволенъ моимъ отъѣздомъ, но и называлъ *пагубнымъ* походъ мой въ Сирію. Я покаялся уже вамъ, что никогда не прощалъ дерзости ни кому, кто думалъ быть умнѣе меня. Клеберовы выраженія меня взбѣсили. Возвращеніе его во Францію заставляло меня бояться найти въ немъ сильнаго противника. Я отправилъ надежнаго офи-

цера къ генералу Мену-Абдаллѣ, который отурчился. Его перемѣна вѣры была для меня отмѣнно полезна. Онъ переговорилъ съ однимъ мусульманскимъ попомъ, который былъ такій же фанатикъ, какъ Мену подлъ и вѣроломенъ. Клеберъ никогда не заботился о своей безопасности; посреднику обѣщали кучу денегъ, который съ своей стороны увѣрилъ убійцу, что онъ прямо пойдетъ въ Магометовъ рай, и храбрый генералъ Клеберъ палъ отъ кинжала подлаго Турка. Я обѣщался сказывать вамъ всю правду. Жертва моя достойна похвалъ, мною ей отдаваемыхъ. Клеберъ былъ великій военный человѣкъ. Еслибы онъ былъ также хитръ, какъ я, то былъ бы остороженъ; онъ избѣгъ бы моихъ сѣтей, возвратился бы во Францію, сдѣлался бы начальникомъ недовольныхъ, и я очень хорошо знаю ходъ дѣлъ, чтобъ не быть увѣрену, что нѣсколько лѣтъ назадъ меня не былобы уже на свѣтѣ. Клеберъ былъ первымъ генераломъ 18 вѣка, Моро вторымъ, я третьимъ. Сультъ показался только при Аустерлицкомъ сраженіи. Начало его было славно. Въ немъ есть умъ. Онъ такъ добръ, что дрожитъ при моемъ имени, или когда возвѣщаютъ ему о моемъ пріѣздѣ; я это очень вѣрно знаю, а безъ

того давно бъ уже его не было. Ему обязанъ я сраженіемъ Аустерлицкимъ, Енскимъ, Ейлавскимъ, Гейлсбержскимъ, Оканскимъ и важнымъ переходомъ чрезъ Сіерру Морену. *

Аббатъ Мори. Умерщвленіе Клебера избавило Францію отъ междуусобной войны. Вы можете быть увѣрены въ прощеніи етого грѣха. Помните всегда, что Императорская власть ваша подобна мечу, который долженъ пресѣкать все то, что возвышается выше горизонтальнаго пространства, по которому онъ движется. Кто вздумаетъ измѣнять вамъ или возмущаться противу васъ, тотъ долженъ погибнуть немедлѣнно и безъ всякаго милосердія. Когда въ совѣтѣ царя Египетскаго положили умертвить великаго Помпея, тогда риторъ Ѳеодотъ сказалъ замѣчательное слово, которымъ государи должны пользоваться къ статѣ: *умершій неприятель не кусается.* Разскажите мнѣ что нибудь о генералѣ Дезѣ; праздные и злые люди бредятъ только заговорами и убивствомъ. Го-

---

*) Хотя Бонапарте ни мало не выигралъ ни Ейлавскаго, ни Гейльсбержскаго сраженія, а на противъ получилъ на нихъ добрый для себя урокъ; но въ бюллетеняхъ своихъ приписываетъ ихъ себѣ; по чему, здѣсь и заставляютъ его говорить сходно етому. *Пр. Перев.*

ворятъ будто вы приказали адъютанту его Савари выстрѣлить по немъ изъ пистолета въ самомъ жару Маренжскаго сраженія.

Бонапарте. Въ теченіе 14 лѣтъ я погубилъ такъ много людей, что не краснѣя могу признаваться въ какомъ бы то ни было злодѣяніи, мнѣ приписываемомъ. Я вамъ повторяю, что у меня нѣтъ ничего для васъ скрытаго. Если я покаялся вамъ въ томъ, что былъ причиною смерти Клеберовой, то получилъ бы отъ того только увѣренность, что не заслужу прощенія своихъ грѣховъ отказываясь сказать правду въ толь важномъ дѣлѣ. Я любилъ бы Дезе, если бы въ то время могъ имѣть другое какое чувство, кромѣ славы и мщенія. Дезе былъ скроменъ, кротокъ, ученъ и хорошій генералъ; однако же я считаю его во второмъ классѣ вмѣстѣ съ Ерцгерцогомъ Карломъ, Сенъ-Сиромъ, лордомъ Веллингтономъ, Бернадотомъ, Макдоналдомъ, Массеною и пр. О Дезѣ не иначе говорятъ, какъ о побѣдителѣ Маренжскомъ, и только по тому, чтобы меня уязвить враги мои думаютъ, что я имѣю слабость дорого цѣнить побѣдою. Я былъ несравненно болѣе 22 Мая 1809 при Есслингѣ, нежели 14 Октября при Енѣ; но не смотря на это, я успѣлъ во всемъ противъ Прусса-

ковъ, а на берегахъ Дунайскихъ разбитъ былъ въ прахъ. Пусть всякій военный человѣкъ разсмотритъ обѣ мои позиціи и рѣшитъ безпристрастно. У меня было 200 т. Французовъ, къ войнѣ привыкшихъ, противъ 120 т. Пруссаковъ, которые не воевали 12 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ Есслингѣ, 22 Маія въ 12 часовъ утра, у меня было только 20 т. человѣкъ, оставшихся отъ 50 т., противъ 60 т. побѣдоносныхъ Австрійцевъ. Но неумѣстными своими вопросами вы заставляете меня ускорять происшествіями. Вандея обратила на себя все мое вниманіе. Мнѣ хотѣлось возстановить спокойствіе внутри Франціи. Выборъ средствъ меня не затруднялъ. Обѣщаны деньги; заманили нѣкоторыхъ начальниковъ, которые отъ усталости начали всему вѣрить; придрались къ нимъ по моему приказанію и я велѣлъ ихъ разстрѣлять. Они были храбры, умны и слѣдственно опасны по привязанности своей къ Бурбонамъ. Фротте, генералъ Королевской партіи, былъ изъ числа обманутыхъ мною; онъ былъ человѣкъ истинно достойный; въ послѣднія минуты жизни своей показалъ онъ много твердости духа. Шамбарлакъ велѣлъ разстрѣлять его увѣря прежде въ прощеніи, въ слѣдствіе первыхъ мо-

ихъ повелѣній. Я пришелъ въ Италію съ 60 т. человѣкъ. Обошедъ правый Меласовъ флангъ, я пошелъ на Миланъ. Исторія скажетъ вамъ какимъ образомъ побилъ я Австрійцевъ у Монтебелло и Маренго. Какое счастіе имѣть дѣло съ семидесятилѣтними генералами!! * Возвращеніе мое въ Парижъ составило тріумфъ. Въ Ліонѣ оказали мнѣ чрезвычайныя почести. Я обѣщалъ много, а выполнилъ мало. Прискорбно *для государя моего разбора* быть принуждену играть ролю шарлатана. Вѣрноподданные мои добраго моего города Ліона должны имѣть очень невыгодное обо мнѣ мнѣніе. Сколько возхищалъ меня ентузіасмъ провинцій, столько оскорбился я тою Парижскою безчувственностію, которая заставила меня забыть славный приемъ, сдѣланный мнѣ остальными городами Франціи. Размышляя долго о средствахъ, какимъ бы образомъ разбудить ихъ, я вознамѣрился завесть противъ себя заговоръ. Фуше, который съ ума сходилъ отъ безполезныхъ усилій ему подчиненныхъ рукоплескать мнѣ, когда я появлялся въ публикѣ, пришелъ внѣ себя отъ странной моей

---

* Не всегда.

выдумки; онъ увѣрялъ меня, что ето произведетъ величайшее дѣйствіе и обѣщался въ точности выполнить мое намѣреніе. Въ Мальмезонѣ случалось мнѣ говорить съ симъ министромъ часа по четыре сряду и всегда съ новымъ удовольствіемъ. У него удивительная память и хитрость, уступающая только моей. Мнѣ хотѣлось, чтобъ якобинцы завели заговоръ послѣ ройялистовъ. Онъ мнѣ математически доказалъ неправильность етого хода. Какъ якобинцы считались величайшими врагами 18 брюмера, то необходимо было заставить начать ихъ кинжалами. Адскую машину должно было выдать за произведеніе ройялистовъ, выставленное Англіею. Государство ето должно было представить Франціи и Европѣ, какъ противящееся возстановленію порядка, потому что оно покровительствовало убійцамъ перваго консула. И такъ, я считаю на совѣсти своей смерть несчастныхъ, коимъ повѣренные Фуше вселили первую мысль заговора какъ сожженіемъ опернаго дома, такъ и адскою машиною 3 нивоза. Вся Франція приносила мнѣ поздравленія; самый Парижъ казалось проснулся на минуту; я былъ внѣ себя возхищаясь успѣхомъ своей выдумки. Но обманъ скоро изчезъ. Черезъ

три дни послѣ послѣдняго изъ двухъ происшествій, въ которомъ казалось я подверженъ былъ величайшей опасности, начали опять появляться пѣсни и епиграммы; равнодушно принимали побѣды въ Италіи и Германіи и самый Люневильскій договоръ; всѣ желали морскаго мира, всѣ вздыхали по Английскимъ гинеямъ. Я выполнилъ общее желаніе, находя въ немъ и свою выгоду. Я узналъ множество негодяевъ, которые повиновались мнѣ только для того, что другіе то дѣлали; но я всего долженъ былъ опасаться со временемъ. Надобно было выгнать ихъ изъ отечества съ честію. Съ трудомъ повѣрите вы, что и зять мой Леклеркъ былъ въ томъ же числѣ. Бывъ небольшаго роста, дуренъ собою и честолюбивъ, онъ вздумалъ меня передразнивать. Родство произвело дерзость. Часто не спущалъ онъ мнѣ не хотя признаться въ своихъ ошибкахъ. Я скрылъ свое неудовольствіе, внесъ его въ списокъ осужденныхъ и далъ ему главное начальство надъ Сенъ-Доминжскою експедиціею. Я напередъ зналъ, что это было такъ сказать *откомандировкою на тотъ свѣтъ*. Будучи очень недоволенъ поведеніемъ жены его, а моей сестры Паулины, я приказалъ и ей отправляться съ мужемъ. Какія причины ни пред-

ставляла она, чтобъ остаться во Франціи, я на отрѣзъ ей сказалъ, что она поѣдетъ волею или неволею. Болтовня Дюги довела его до того же; къ сему же назначилъ я Ришпанса, Сагюгета, Гарди, Ватреня, Дебелля, Гюмберта и проч. желая избавиться на всегда отъ республиканства одного, честолюбія другаго, отъ спеси того, глупости инаго и т. д. и смѣшныхъ требованій всѣхъ. Я отправилъ туда полки, въ которыхъ офицеры и солдаты были жаркіе патріоты, торговавшихъ запрещенными товарами и наконецъ тѣхъ, которые забавлялись на счетъ епископовъ, когда ихъ поставляли.

Аббатъ Мори. Прекрасно! Будте увѣрены, что это послѣднее намѣреніе внушено вамъ было свыше! Сильное покровительство, изъявленное вами служителямъ всемогущаго Бога будетъ для васъ и дѣтей вашихъ неизсякаемымъ источникомъ небеснаго благословенія. Вы должны разкаяться только въ томъ тайномъ удовольствіи, которое ощущаете узнавъ о смерти жертвъ вашихъ. Вы очень хорошо сдѣлали, что избавили отъ нихъ государство. Евангеліе предписываетъ *прощать врагамъ своимъ*; но высокое это нравоученіе прилично исполнять государямъ только тогда, когда они оказали правосудіе свое надъ

опасными гражданами: *тогда должны они молиться о успокоеніи душъ ихъ.*

Бонапарте. Будте увѣрены, что я ревностно буду исполнять драгоцѣнное его правило. Между тѣмъ какъ мои и Леклерковы прокламаціи обезпечивали свободу черныхъ и мулатовъ на островѣ Сень-Домингѣ, я далъ повелѣніе о возстановленіи рабства. Упрямство Леклерково разрушило мои разсчеты. Я ему приказалъ соединить всѣхъ начальниковъ, какъ скоро успѣетъ онъ получить хотя тѣнь примиренія, отравить ихъ ядомъ или перетопить, или, если оба сіи средства не льзя будетъ по чему либо выполнить, то переслать ихъ во Францію, коей жаркій климатъ скоро переморилъ бы ихъ всѣхъ. Жалкій етотъ человѣкъ, не смотря что въ немъ былъ какій-то умишка, никогда не могъ убѣдиться, что *честь для правительства состоитъ единственно въ томъ, чтобы дѣлать все, что можетъ утвердить или умножить власть его.* Онъ сжалился надъ добросердечіемъ Туссеня, честностію Христофа и откровенностію, которую думалъ замѣтить въ другихъ начальникахъ. Онъ до небесъ превозносилъ тѣхъ самыхъ людей, которые за нѣсколько дней до того его бы разстрѣляли, а чрезъ нѣсколько дней должны были перерѣзать его войско

и жителей. Мнѣ не хотѣлось съ нимъ спорить и я отдалъ въ его волю всѣхъ ихъ, выключая Туссеня, который, хотя не долго, но былъ самовластнымъ; по чему и никакъ не могъ быть вѣрнымъ подданнымъ. Я приказалъ его задержать и отправить во Францію; для вида должно было обвинить его въ намѣреніи завести бунтъ. Неловкость Леклеркова въ производствѣ такихъ дѣлъ, произвела всеобщее возмущеніе. Почти вся армія погибла отъ болезней и нищеты. Я послалъ подкрѣпленія, которые подпали той же участи. Одно изъ нихъ отправилъ я изъ Тулона въ числѣ 4000 человѣкъ въ то время, когда Гибральтарскій гарнизонъ былъ въ волненіи; очень легко можнобъ было завладѣть етою крѣпостію. Гантомъ, которому передалъ я свои мысли чрезъ Лористона, пріѣхавшаго въ Тулонъ за Леклерковою вдовою, переговорилъ объ етомъ только съ морскимъ начальникомъ, котораго предложенія показались смѣшными сухопутному генералу, начальствовавшему надъ експедиціею. Съ тѣхъ поръ какъ важные намѣренія не выполнились отъ того, что о нихъ намекали, я приказываю прямо и почти всегда мнѣ удается. Теперь я повелѣвалъ бы цѣлымъ свѣтомъ, если бы Сень - Доминжскую експедицію послалъ въ

Англію съ *человѣкомъ расторопнымъ*, чтобы овладѣть правительствомъ. Я могъ отправить съ нимъ 50 т. человѣкъ отборныхъ людей съ хорошими генералами. Особенное мщеніе мое на якобинцевъ меня ослѣпило, и я чувствовалъ нѣкоторую гордость видя что меня призналъ главою Франціи, государь славный и народъ, который, послѣ моей имперіи, безъ сомнѣнія занимаетъ первую степень, обширностію своея власти, мудростію законовъ, и безчисленнымъ богатствомъ. Тогда былъ у меня флотъ, который послѣ растерялъ я какъ невѣжествомъ своихъ адмираловъ, такъ и несчастными произшествіями. Посланникъ мой въ Лондонѣ, съ самаго пріѣзда своего въ ету столицу, извѣстилъ меня, что тамъ все было готово къ войнѣ. Я велѣлъ написать къ нему, чтобъ онъ старался *выиграть время и возпользоваться онымъ къ произведенію того, въ чемъ мы условились.* Повѣренные мои всѣ шпіоны. Всѣ мои чрезвычайные посольства препоручаются расторопнымъ генераламъ; посольства сіи можно считать за военные рекогносцированія. Подъ предлогомъ головной боли, которая пройдетъ отъ прогулки, они осматриваютъ укрѣпленія, позиціи и проч. Полиціи платятъ хорошо, а за ною велятъ присматривать другимъ наде-

жнымъ людямъ, которымъ платятъ еще лучше. Не смотря однакоже на всѣ мои хитрости, война загорѣлась прежде нежели я ожидалъ. Торговля очень потерпѣла. Начали роптать. Я показалъ видъ, что жалѣю объ участи купцевъ. Велѣлъ помочь тѣмъ, которые были несчастны; обѣщалъ вознаградить другихъ; непреминулъ приписать Англичанамъ, какъ зачинщикамъ войны, всю гнусность сего поступка. Ко мнѣ прислали генерала Туссеня Л'Увертюра; я его отослалъ въ замокъ Жу подлѣ Безансона. Я зналъ, что онъ зарылъ около 50 милiоновъ золотомъ въ лѣсѣ на островѣ Сенъ-Домингѣ; одинъ только онъ зналъ это мѣсто, потому что зарывъ деньги онъ велѣлъ гвардiи своей перебить двенадцать человѣкъ, которые водили муловъ, навьюченныхъ золотомъ, и рыли ямы, въ которыя оно скрыто. Ему обѣщали оставить его генераломъ и отдать четвертую часть изъ его богатства; но онъ отвѣчалъ только, что *консулъ обманулъ его разъ, но въ другой не обманетъ*. Увѣрившись въ непреодолимомъ его упрямствѣ, я приказалъ запереть его въ тюрму, вырытую въ каменной горѣ, и давать такую пищу, чтобы онъ только не умеръ съ голода. Упрямство его противилось и сему жестокому опыту: онъ открывалъ ротъ только

для того, чтобы обременять меня проклятіями. Я велѣлъ отправить его. Старый коммендантъ етого замка рѣдкій человѣкъ по своей скромности и хладнокровію: при каждой такой смерти онъ всегда находитъ причину, которую мирный судья поспѣшаетъ занести въ протоколъ. О Туссенѣ сказано, *что онъ умерѣ съ печали.* Узнавъ о прибытіи генерала Ла Плюма, какъ етотъ негръ всегда держалъ мою сторону, то я и приказалъ отправить его на тотъ свѣтъ съ военными почестями. Онъ былъ нездоровъ. Лекарю, его пользовавшему, наказано было *прекратить его болезнь.* Я отмѣнно благодаренъ опіуму: если умѣютъ хорошо употреблять его, то онъ производитъ дѣйствія, выгодныя для сохраненія тайны моимъ повѣреннымъ и избавленія осужденныхъ отъ конвульзій.

Аббатъ Мори. Попы и лекари столь же для васъ полезны, какъ и *жандармы;* они заслуживаютъ все ваше благоволѣніе. Они неоспоримо самые ученые люди и слѣдственно непримиримые враги Вандаловъ 1793 г. Были между ими нѣкоторые самозванцы; но Богъ и люди оказали надъ ними свое правосудіе. И мы у себя дома наблюдаемъ строгую полицію. Если кто начинаетъ устраняться отъ своей должности, тому оте-

чески напоминаемъ мы обязанности его къ почтенному сословію, къ которому онъ имѣлъ честь принадлежать. Если онъ въ другій разъ впадаетъ въ прегрѣшеніе и мы увидимъ, что его изправить ни какъ не льзя, то *изторгаемъ* древо, не приносящее плодовъ и ввергаемъ его въ огнь. Очень жаль, что Туссень поупрямился открыть вамъ мѣсто, куда спряталъ свое золото. Вы такое хорошее дѣлаете изъ него употребленіе, что каждый честный человѣкъ отъ души желаетъ вамъ имѣть Перуанскіе рудники. Кажется вы забыли попытаться вывѣдать изъ него тайну посредствомъ изповѣди: въ чемъ Туссень отказалъ вашему коменданту, въ томъ можетъ быть признался бы служителю олтарей. Онъ поставилъ бы себѣ за честь изповѣдаться епископу или архіепископу. Очень жаль, что 50 миліоновъ, такія большія деньги, безъ всякой пользы зарыты въ землю. Мнѣ очень мало попадалось людей, которые устояли бы противъ моего изображенія рая и ада. Здравая политика требовала, чтобы Туссень былъ отравленъ. Вы должны принести покаяніе въ смерти Ла Плюмовой; онъ былъ человѣкъ честный. Онъ могъ бы вамъ надѣлать много вреда въ южной части Сен-

Доминга; но оставался вамъ вѣрнымъ и былъ для васъ полезенъ. Вы хотѣли надъ нимъ выместить жестокости Дессалиновы. Сверхъ того, ужасъ умерщвленія бѣлыхъ черными слишкомъ увеличенъ. Я ни мало не хочу оправдывать ихъ, но считаю ихъ не столько виновными, сколько заводчиковъ побоищъ Варѳоломеевскихъ, Сицильскихъ вечеренъ, 2 и 3 Сентября въ Парижѣ, аркибузированій и утопленій Вандейскихъ и проч. Въ Европѣ, бѣлые убивали братьевъ своихъ бѣлыхъ изъ фанатизма, изъ мщенія и бѣшенства, а въ Сень-Домингѣ напротивъ, черные рѣзали смертельныхъ враговъ своихъ, чтобы привести ихъ въ несостояніе налагать на нихъ новые оковы. Правда, что удары ихъ поражали жертвы безоружныя; но какъ еще далеки они отъ того, чтобы отмстить за смерть такого множества несчастныхъ, погибшихъ въ жесточайшихъ терзаніяхъ въ Кайяхъ, Портопринсѣ, Сень-Маркѣ, Капѣ и во всей колоніи! Я вамъ говорю какъ служитель Бога мира. Возмите нужныя мѣры, когда моря будутъ открыты для вашей торговли, чтобы наблюдалось правосудіе къ народу острова Гайти. Оставте его спокойно наслаждаться своею независимостію, и будте увѣрены, что подданные ваши, пріѣзжающіе туда за

торговлею, найдутъ тамъ безопасность, покровительство и выгоду. Покайтесь отъ чистаго сердца въ томъ злѣ, которое вы надѣлали тамъ своими повѣренными, также какъ и въ жестокомъ поступкѣ вашемъ съ генераломъ Ла Плюмомъ. Я слышалъ что онъ былъ отмѣнно привязанъ ко Франціи; часто и о васъ говорилъ съ удивленіемъ; онъ ни мало не воображалъ, чтобы герой его сдѣлался когда нибудь его палачемъ!

Бонапарте. Это я знаю. Я погубилъ его для того только, что мнѣ не хотѣлось видѣть во Франціи генеральскій мундиръ на плечахъ негра. Я не имѣлъ ни малѣйшей причины лишать его чиновъ, потому что онъ всегда велъ себя хорошо. *Согрѣшихъ.* Увидѣвъ ясно невозможность сдѣлать высадку въ Англію, я началъ соображать средства принудить ее къ примиренію возпретивъ ей производить торговлю на твердой землѣ. Для сего надобно было покорить Пруссію, устрашить Австрію, укротить Россію и завладѣть Гиспаніею и Португаліею. Я долженъ былъ показать Франціи, что ни мало не намѣренъ уступать мѣста своего Лудовику XVIII. Онъ съ презрѣніемъ отвергъ предложенія объ уступкѣ мнѣ правъ своихъ на пре-

столъ своихъ предковъ. Въ Лондонѣ былъ у меня опасный непріятель по своей славѣ и дарованіямъ, хотя втораго класса, генералъ Пишегрю. Жоржъ имѣлъ большую власть въ западныхъ провинціяхъ. Моро меня безпокоилъ; жена его, а особливо теща, такъ расположили его противъ меня дурно, что онъ болѣе не видѣлся со мною. Онъ насмѣхался надъ моими походами и политическими учрежденіями. Етотъ человѣкъ, который въ 1799 г., до возвращенія моего изъ Египта, отказался принять начальство надъ правленіемъ, разкаявался въ своей умѣренности. Зло надлежало остановить при самомъ началѣ. Я вздумалъ изъ всѣхъ етихъ головъ сдѣлать одну гидру, и истребить ихъ однимъ ударомъ. Предпріятіе было тяжело. Я выдумалъ заговоръ. Хотя Фуше и не былъ уже министромъ полиціи, однакоже продолжалъ пользоваться всею моею довѣренностію: одинъ онъ только могъ управлять всѣми частями обширнаго моего предпріятія. По точнымъ свѣденіямъ, которые собралъ Андреосси о Лондонскихъ обществахъ, предложено было *о умерщвленіи перваго консула.* Моро негодовалъ на мою оскорбительную надменность; Пишегрю не прощалъ мнѣ

самовластнаго продолженія беззаконной его ссылки; отважность Жоржева заставляла вѣрить возможности его намѣренія прекратить жизнь мою; приверженность дюка Ангіенскаго къ славѣ рода своего, побуждала его прибыть на лѣвый берегъ Рейна. Меня увѣдомляли даже о самыхъ мѣлочахъ съ такою точностію, которая самаго меня приводила въ удивленіе. Всѣ предложенія моихъ повѣренныхъ приняты были съ такимъ безразсудствомъ, которое изъяснить можно только ненавистію ко мнѣ заговорщиковъ, желаніемъ возвратить Франціи Бурбоновъ и проворствомъ моихъ шпіоновъ. Наперсникъ мой генералъ Савари, съ шестью жандармами былъ на морскомъ берегѣ близъ Фекампа въ ту минуту, когда присталъ къ нему Пишегрю съ своею шайкою. За ними слѣдовали по пятамъ; не льзя было схватить ихъ въ самый день прихода ихъ во Францію; надобно было запутать Моро заставя его имѣть сношеніе съ заговорщиками. Какъ скоро важное это дѣло сдѣлалось, то ударили тревогу. Весь Парижъ поднялъ ноги. Чиновники знатнѣйшіе, хотя и очень извѣстные, часто однакоже были задерживаемы жандармами и приводимы въ учрежденный судъ на личную ставку съ главнѣйшими заговорщиками. Комедія эта продолжалась

нѣсколько дней. Между тѣмъ, Коленькуръ и Орденеръ стерегли дюка Ангіенскаго, который вмѣсто того, чтобы войти во Францію съ тріумфомъ, какъ его увѣрили, отвезенъ былъ въ Веньсенскій замокъ. Мнѣ очень легко было увѣрить всѣхъ, что онъ убилъ самъ себя; но честолюбіе мое не удовольствовалось бы тѣмъ. Я его отдалъ подъ военный судъ. Гюлленъ, президентъ сего суда получилъ отъ меня надлежащіе наставленія. Обрядъ, предписываемый закономъ, былъ наблюденъ; и хотя дюкъ былъ невиненъ, потому что схваченъ былъ въ неутральномъ владѣніи, однакоже его осудили на смерть. Его разстрѣляли во рвахъ Веньсенскаго замка, гдѣ онъ и погребенъ. Мнѣ сказывали, что онъ былъ человѣкъ любезный, добродѣтельный и съ дарованіями. Мнѣ надобна была жертва изъ сего дома для доказанія Французамъ и Европѣ, что онъ пересталъ царствовать и замѣщенъ Бонапартовою династіею. Многіе знатные люди просили меня за него: цѣлый вечеръ не отвѣчалъ я рѣшительно, и когда сверхъ назначеннаго часа для его убіенія прошло еще пять минутъ, я сказалъ имъ, что *дѣло сдѣлано*. Я каюсь въ етомъ убивствѣ, которое глупые люди считаютъ справедливымъ, но которое очень

грѣшно предъ Богомъ, и чистосердечно прошу въ ономъ у него прощенія.

Аббатъ Мори. Одинъ Богъ безъ грѣха. Думаю однако же, что прокламація, написанная въ сильныхъ выраженіяхъ, выполнилабъ ваше намѣреніе увѣря всѣхъ вашихъ подданныхъ и европейскіе дворы въ непоколебимости вашей остаться на Французскомъ престолѣ. Слѣдственно, вы по напрасну пролили невинную кровь. Дюкъ Ангіенскій не былъ въ вашихъ владѣніяхъ; вы нарушили законы божескіе и человѣческіе: не льзя принести вамъ довольнаго разкаянія въ столь ужасномъ злодѣяніи. Увѣряютъ, что по замѣчаніямъ пословъ чужестранныхъ дворовъ, и неотступной просбѣ Камбасереса и Г-жи. Бонапарте, вы нѣсколько минутъ были въ нерѣшимости, и будто по злобнымъ наущеніямъ генерала Мюрата приняли жестокое намѣреніе разстрѣлять дюка Ангіенскаго.

Бонапарте. Въ етомъ грубо ошибаются: ни Мюратъ, ни Бертье, которые однако же пользуются моею довѣренностію, ни когда не смѣли сдѣлать мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія. Если я предпочитаю ихъ другимъ, то потому только, что они всегда умѣли искусно мнѣ льстить и съ усердіемъ изполняли мои приказанія. Четырнадцать лѣтъ я ни

чьихъ совѣтовъ не принимаю; это дало бы ему право показывать нѣкоторое превозходство, меня унижающее. Я поступалъ такъ, чтобы заставить считать себя нужнымъ для всѣхъ и независимымъ ни отъ кого. Я показывалъ видъ, что презираю хорошіе сп лы и опасности, *хотя какъ и всѣ, люблю поѣсть, и робокъ, смотря по обстоятельствамъ.* Бывъ увѣренъ по родству и многолѣтнымъ опытамъ въ Мюратовой вѣрности, я приказалъ ему остаться въ Веньсеннѣ, чтобы намѣреніе мое было выполнено въ точности, и по окончаніи всего пріѣхать ко мнѣ съ донесеніемъ. Я препоручилъ Савари задавить Пишегрю, и онъ сдѣлалъ это съ отмѣнною ловкостію. Я принужденъ былъ употребить это жестокое средство, потому что Пишегрю имѣлъ такую дерзость, которая привела бы въ страхъ судей; даже сомнѣваюсь, чтобы солдаты согласились разстрѣлять его. Если бы я велѣлъ его гильотинировать, то подалъ бы много случая къ болтовнѣ. Наказаніе это готовилъ я для Моро, а вы знаете, что надобно *съ пользою*, а не *во зло употреблять* великіе средства, позволяемые закономъ. Не могу дать вамъ точнаго понятія о бѣшенствѣ, которое на меня напало, услышавъ, что безъ опасности не льзя

было Моро предать смерти. Я разругалъ Ренье какъ только можно, и онъ стоилъ этого, потому что за два дни напередъ увѣрилъ меня, что все готово къ осужденію на смерть человѣка, котораго я ненавидѣлъ болѣе всѣхъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ одержалъ Гогенлинденскую побѣду. Я сожалѣлъ, что не отправилъ его на тотъ свѣтъ скорымъ и тайнымъ образомъ въ одной изъ моихъ бастилій, какъ удалось мнѣ сдѣлать тоже съ дюкомъ Ангіенскимъ. Во всю жизнь мою буду раскаяваться, что согласился перемѣнить казнь его на вѣчную ссылку. Слабость эта рано или поздо будетъ для меня пагубна, и я внутренно увѣренъ, что Моро сыграетъ со мною какую нибудь дурную штуку. Къ нему привержены всѣ недовольные, которые питаются надеждою имѣть его когда нибудь своимъ начальникомъ. Если бы онъ погибъ, то давно бы уже Французы, по вѣтренности своей забыли и смерть его и заслуги. Я еще очень счастливъ, что онъ влюбленъ въ свою жену и дѣтей. Я погибъ бы, если бы онъ былъ противъ меня въ Еслинжскомъ сраженіи. Любовь его къ уединенію приписываю я еще жестокой скорби, причиненной ему удивительнымъ хладнокровіемъ

всѣхъ Французовъ, которые бывъ при судѣ его, очень спокойно выслушали, когда объявленъ былъ ему смертный приговоръ. Граждане, военные и штатскіе чиновники сидѣли точно какъ будто въ театрѣ. Я послѣ все узналъ, но уже поздо. На меня напали люди, которыхъ я считалъ умными; плутовство однихъ, пустый страхъ другихъ, посвятили меня въ дураки. Я очень презираю Французами; но еслибы я былъ на мѣстѣ Моро, то довелъ бы тирана ихъ до того, что онъ удвоилъ бы жестокость свою къ симъ подлецамъ, трусамъ и неблагодарнымъ, которые, однимъ словомъ, гораздо болѣе древнихъ рабовъ Дарія и Ксеркса достойны постыднѣйшаго рабства.

Аббатъ Мори. Не удивляйтесь етой безчувственности всѣхъ Французовъ. Не давно еще опытомъ извѣдали они до чего доводятъ ревніе дружбы, любовь къ отечеству, и привязанность къ правосудію, по чему и считаютъ себя щасливыми нашедъ безопасный уголокъ отъ революціонной бури, о которой одна мысль заставляетъ трепетать умнаго человѣка, которому удалось спастись отъ кораблекрушенія. Вы очень худо сдѣлали, что не сбыли съ рукъ Моро ядомъ или кинжаломъ. Вы сознаетесь, что онъ превоз-

ходитъ васъ въ военныхъ дарованіяхъ и повѣрили смѣшнымъ разсказамъ, выдуманнымъ коварствомъ Таллейрана, робостію Ренье, сплетьнями Лефевра и глупостію нѣкоторыхъ другихъ начальниковъ, недостойныхъ вашей довѣренности! Предупреждайте своихъ противниковъ; пусть они попадаются въ собственныя свои сѣти. Смерть Пишегрю была необходима. Хотя вы и полагаете его въ число второкласныхъ генераловъ, однакоже публика считала его однимъ изъ искуснѣйшихъ военачальниковъ своего вѣка. Многіе лучшіе ваши офицеры при мнѣ очень хвалили походъ его во Фландріи въ 1794 г. и завоеваніе Голландіи. Онъ никогда не могъ забыть жестокаго обращенія съ нимъ начиная съ 18 фруктидора до пріѣзда въ Кайенну, гдѣ участь ссылочныхъ была нѣсколько облегчена.

Бонапарте. Я принялъ всѣ возможныя предосторожности; и хотя въ соединенныхъ областяхъ имѣютъ за Моро столь же строгій присмотръ, какъ то было и въ Парижѣ, но я велѣлъ надзирать за связями его и на твердой землѣ. Отъ жалости пожимаю я плечами видя какъ какій нибудь Лекурбъ, едва извѣстный по нѣкоторымъ ничего значущимъ успѣхамъ, которыми обязанъ онъ не столько своимъ дарованіямъ, сколько храбро-

сти войскъ, притворяется чувствительнымъ человѣкомъ и плачетъ о ссылкѣ Моро, говоря что я *деспотъ*, *тиранъ* и проч. Я отвѣчалъ глубочайшимъ только презрѣніемъ на глупости сего неизвѣстнаго ни кому ругателя и дозволилъ ему спокойно проживать въ замкѣ его Шуази близь Корбеля, пятьдесятъ тысячь ежегоднаго дохода, которые онъ наворовалъ начальствуя надъ войсками въ Швейцаріи и Германіи. Точно также поступилъ я со многими другими чиновниками, которыхъ ничтожность отклонила мое мщеніе. Жоржъ признавшись что прибылъ съ тѣмъ, чтобы меня убить, наказанъ по всей строгости законовъ, какъ и всѣ его соумышленники. Я считаю себя виновнымъ въ ихъ смерти, потому что заговоръ составили они по наущенію моихъ повѣренныхъ. Я велѣлъ задержать многихъ во всей имперіи; скоро тюрьмы наполнились слишкомъ жаркими защитниками Пишегрю, Моро и Бурбоновъ. Съ сего времени начинается система ужаса, наведеннаго на всѣхъ моихъ подданныхъ. Я сдѣлалъ надлежащіе приготовленія къ разпространенію онаго по всей твердой землѣ, чтобы заставить принять строгія мои мѣры противъ Британской торговли. Я зналъ, что Россія и Австрія собирались на-

насть на меня; но притворился что не знаю етого, и собравъ отборные свои войски на берега показывалъ видъ, что угрожаю Англіи. Справедливо говорятъ, что у страха глаза велики; Сенъ-Джемскій кабинетъ имѣлъ благосклонность повѣрить моему слову. Англичане издержали страшныя деньги для приведенія себя въ состояніе отразить нападеніе, о которомъ я никогда въ правду не думалъ, по причинѣ не возможности онаго до тѣхъ поръ, пока не буду владѣть моремъ. Какъ можно было повѣрить, что я выполню намѣреніе, представлявшее столько неудобствъ для сдѣланія высадки въ Англію, и столько затрудненій, чтобы возпользоваться первымъ успѣхомъ? Благоприятная минута прошла; мирное время представляло удобные случаи, которые изчезли при возобновленіи военныхъ дѣйствій. Несчастія, претерпѣнные въ послѣднюю войну, неудовольствія Ирландіи, нѣсколько разъ дѣланные мною предложенія о скоромъ и выгодномъ примиреніи и политическая моя умѣренность до сего времени, можетъ быть доставилибы полный успѣхъ внезапному нашествію, заставя забыть всю гнусность нарушенія прелиминарныхъ условій. Амьенскій договоръ не былъ еще подписанъ. Въ то время, когда Англи-

чане дѣлали чрезвычайные рекрутскіе наборы и укрѣплялись на главныхъ пунктахъ, я заставлялъ манёврировать тѣ колонны, которыя назначалъ сражаться съ Русскими и Австрійцами въ Швабіи, Баваріи и Моравіи. Мнѣ не хотѣлось объявить себя начинщикомъ. Происки мои очень были для меня полезны въ Вѣнѣ. Я подкупилъ генерала Макка. Онъ содержался плѣннымъ въ Дижонѣ при возвращеніи моемъ изъ Египта. Послѣ 18 брюмера я перевелъ его въ Парижъ. Договоръ нашъ заключенъ былъ золотомъ и *какимъ нибудь княжествомъ, когда одинъ изъ моихъ сатраповъ займетъ мѣсто тестя моего Франца.* Успѣхи мои были легки и блистательны по милости *товарища* моего Макка. Взятіе Ульма рѣшило кампанію въ мою пользу. На Иллерѣ предписалъ я Пресбуржскій миръ. Я возпользовался пребываніемъ своимъ въ столицѣ Австріи, чтобы съ лихвою возвратить всѣ свои задатки. Подозрѣвали, что я велѣлъ убить адмирала Вилльнёва въ Реннѣ. Слухъ етотъ несправедливъ. Я сожалѣю только о томъ, что послалъ къ нему строгое повелѣніе напасть на Англичанъ. На первое приказаніе мое онъ замѣтилъ мнѣ, что смотря по состоянію союзнаго флота не льзя было надѣяться успѣха противъ

Нельсона, у котораго какъ матросы такъ и солдаты были отборные. Я повторилъ ему первое приказанiе предваряя, что въ случаѣ отказа мѣсто его отдамъ другому. Онъ послушался. Трафалгарское пораженiе должно приписать мнѣ. Англичане обязаны побѣдою только своей неустрашимости и искуству своего адмирала, который за торжество свое заплатилъ жизнiю. Я слишкомъ много презиралъ Вилльнёва чтобы погубить его, и употреблялъ его за неимѣнiемъ лучшаго морскаго начальника. Каюсь въ томъ, что велѣлъ убить Пальма въ Нюренбергѣ. Я хотѣлъ зажать ротъ толпѣ марателей бумаги, которые язвительными своими сочиненiями поджигали Германiю и старались отвратить отъ меня любовь моихъ солдатъ. Долженъ однакоже сказать что я оставилъ Бертье столько власти, чтобы спасти книгопродавца; но обстоятельства, а особливо усердiе ко мнѣ, принудило его разстрѣлять Пальма. Вмѣстѣ съ нимъ приказалъ я осудить также одного Вѣнскаго книгопродавца. Зная, что и намѣренiе должно считаться дѣломъ, каюсь и въ семъ духовномъ преступленiи, и, чтобы сказать всю правду, то на совѣсти у меня лежитъ по крайней мѣрѣ сто тысячъ прегрѣшенiй такого рода.

Аббатъ Мори. Вы изчислите ихъ подъ конецъ. Поступокъ вашъ съ Лекурбомъ очень благоразуменъ. Вы лучше моего знаете, что ежелибы захотѣли возвратить по совѣсти всѣ покражи внутри государства сдѣланные въ революцію, грабежъ, произведенный въ арміи и скупъ такъ называемыхъ національныхъ имѣній; то приобрѣли бы казнѣ точно десять тысячь миліоновъ. Я ето на вѣрное знаю отъ вашего министра финансовъ, которому кажется дѣло ето очень извѣстно. Вы обманули Англичанъ вашими демонстраціями; вы навели на нихъ страхъ; они изтратили много денегъ. До сихъ поръ все очень хорошо. Но я не могу похвалить упрямства вашаго въ погубленіи флота. Онъ не въ первый разъ сражался съ Англинскимъ. Вы знали какъ Нельсонъ изтребилъ Брюейсовъ флотъ на Абукирской рейдѣ въ 1798 г. Вамъ надлежало бы похвалить, а небранить вашего адмирала за осторожность. Вы должны разкаяться въ причиненіи смерти многимъ тысячамъ храбрыхъ людей, принесенныхъ въ жертву вашему незнанію всего относящагося до морской тактики. Позвольте замѣтить вамъ, что начиная съ кучера, управляющаго лошадьми, запряженными въ вашу карету, до Гантома, начальствующаго

Тулонскимъ вашимъ флотомъ, или Массены, предводительствующаго Португальскою арміею, каждый чиновникъ, по полученіи вашихъ повелѣній, долженъ имѣть нѣкоторую свободу въ исполненіи, злоупотребленіе которой остается на личной его отвѣтственности. Безъ этого, усердіе и дарованія будутъ оставаться безъ дѣйствія къ величайшему вреду выгодъ вашего величества. Подкупленіе Макка можно назвать мастерскимъ дѣломъ, которое тѣмъ совершеннѣе, что приготовлено было еще за четыре года, и что вы умѣли скрыть его дозволя Макку убѣжать изъ Парижа въ тотъ самый день, въ который ожидали туда присланнаго на размѣнъ. Я не узнаю васъ въ томъ, что вы сдѣлали съ книгопродавцемъ Пальмомъ, и сильно хулю строгость стольже жестокую, какъ и неумѣстную. Вы велѣли убить человѣка семейнаго за презрѣнія достойное ругательное сочиненіе! Когда снимаете вы головы съ людей славныхъ, которые хотятъ или противиться вамъ или ищутъ вашей погибели, это я понимаю; но огорчаюсь для вашей же славы слыша что васъ называютъ убійцею человѣка свободнаго, подающаго свое мнѣніе или бывшаго можетъ быть только органомъ своихъ

сограждан, справедливо раздраженных противъ виновниковъ войны, которой несчастными жертвами были они двенадцать лѣтъ.

Бонапарте. Признаюсь, что жестокая истина журналиста для меня чувствительнѣе потери сраженія. Императорскія мои типографіи доставляютъ мнѣ неувядаемые лавры. Ничего я такъ не боюсь, какъ ужасныхъ сочиненій, въ которыхъ меня обнаруживаютъ, и изъ которыхъ безпристрастная исторія займетъ все нужное для показанія потомству настоящей мнѣ цѣны. Меня до того точатъ островскіе ети черви, что если бы братъ мой Георгъ согласился завести въ Лондонѣ тѣ же законы относительно книгопечатанія, какимъ слѣдуютъ во Франціи, то я не только согласился бы признать верховную власть его надъ моремъ, но и отдалъ бы ему назадъ Ганноверъ и другіе мѣста на твердой землѣ, которые ему къ стати. Боюсь, чтобы всѣ ети бѣшеные издатели листковъ не уморили меня съ печали, если не удастся мнѣ скоро уморить ихъ голодомъ и истребленіемъ ихъ торговли. Въ одинъ день испровергъ я сданіе великаго Фридриха. Какими словами не хулилъ я Провидѣнія въ день кровопролитнаго Ейлавскаго сраженія! Отчаяніе заставило меня безъ пользы пожертво-

вать отборными людьми моей гвардіи. Еслибы я былъ поспокойнѣе, то подождалъ бы содѣйствія обоихъ моихъ фланговъ, чтобы стать въ хорошее мѣсто для обороны. Я приказалъ конницѣ и пѣхотѣ производить нападенія столь же глупые, какъ и убивственные, и которые однако же старался обратить въ свою славу выхваляя пышными словами войски, въ нихъ участвовавшіе, и генераловъ, предводительствовавшихъ оными. Съ прискорбіемъ увидѣлъ я что Русскіе храбрѣе Французовъ. Вопросъ, оставшейся нерѣшенымъ при Аустерлицѣ, по причинѣ содѣйствія Австрійцевъ, очень ясно рѣшенъ на Ейлавскомъ сраженіи. Меня разбили. Беннингсенъ и непреодолимое мужество русскаго войска выиграли оборонительное сраженіе и противъ Французской яростіи большой арміи, и противъ Италіянской хитрости Бонапарта. Я приготовилъ все, чтобы кончить съ столь страшнымъ непріятелемъ, и послѣ Гейлсбержскаго и Фридландскаго сраженій спѣшилъ заключить миръ въ Тильзитѣ, чтобы выполнить намѣреніе свое въ другихъ мѣстахъ твердой земли, занятіе которыхъ должно было предшествовать походу моему на Петербургъ. Я выполнилъ нѣкоторымъ образомъ цѣль свою въ разсужденіи сѣвера, пре-

клонивъ Россію объявить войну Англіи и заперешь порты ея для торговли сей державы. Я принудилъ также Лудовика XVIII, короля Французскаго уѣхать въ Англію за то, что онъ отказался уступить мнѣ права свои на мой престолъ.

Аббатъ Мори. Богу угодно было Ейлавскимъ пораженіемъ испытать вѣру вашу въ него. Онъ хотѣлъ показать вамъ, что онъ Богъ побѣдъ, и неудачу сіпу должны вы считать наказаніемъ за ваше высокомѣріе почитая себя единственнымъ виновникомъ удивительныхъ произшествій, попущенныхъ Всемогущимъ въ наказаніе врагамъ римскокатолическаго закона, каковы Русскіе, Пруссаки и Англичане, и для возбужденія охладшей вѣры Австрійцевъ, Италіянцевъ, Гиспанцевъ и Португальцевъ. Вы дурно поступили съ потомкомъ св. Лудовика, Генриха IV и Лудовика великаго; слухъ носился, будто вы хотѣли отравить ядомъ сего государя.

Бонапарте. Я думалъ объ етомъ, но не приказывалъ; и сдѣлалъ бы ето, ежели бы можно было истребить весь етотъ родъ однимъ ударомъ. Вы легко повѣрите, что для меня тяжко считать себя только похитителемъ. Истребленіе Бурбонскаго дома успокоилобы меня на счетъ будущаго гораздо

лучше самаго чистосердечнѣйшаго отреченія отъ престола Лудовика XVIII. Ненависть моя ко всѣмъ отраслямъ сего рода и желаніе возвести на престолъ одного изъ моихъ братьевъ, заставили меня принять намѣреніе завоевать Гиспанію. Происками своими дошелъ я до того, что перессорилъ короля съ дѣтьми, послѣ чего предложилъ помирить ихъ. Предложеніе свое заставилъ я принять посредствомъ арміи *друзей и братьевъ*. Пріѣхавъ въ Байонну, я принялъ въ руки Карла и инфантовъ. Участь дюка Ангіенскаго, которую постарался я привести имъ на память, уничтожила даже и помышленіе противиться моей волѣ. Я заставилъ молчать президента юнты, который имѣлъ духъ въ полномъ присутствіи сказать мнѣ, сидѣвшему на престолѣ, что *ежели я не оставлю намѣренія своего на Гиспанію, то вмѣсто подданныхъ, домовъ и полей, братъ мой Іосифъ будетъ владѣть только пустынями, гробами и трупами.* Слова сіи, которые слишкомъ оправдываются дѣломъ, меня не разувѣрили. Я приказалъ силою оружія получить согласіе, въ которомъ отказывали *отеческимъ моимъ предложеніямъ.* Я виновникъ убійствъ, произведенныхъ въ Мадритѣ. Я поручилъ Мюрату ужаснуть ими недобро-

хотовъ въ столицѣ и удержать въ повиновеніи недовольныхъ въ провинціяхъ. Жестокость моего намѣстника раздражила только Гиспанскую гордость. Всѣ принялись за оружіе. Послѣ многихъ происшествій, которые описывать оставляю исторіи,, войски мои должны были отступить къ Пиринейскимъ горамъ. Просбами своими преклонилъ я Александра къ свиданію въ Ерфуртѣ. Всемъ, что есть святаго, клялся я ему въ вѣрномъ дружествѣ; но клятва ета была у меня только на языкѣ, по тому что мнѣ надобно было отмстить за Ейлавское пораженіе. Неутралитетъ его и даже содѣйствіе въ случаѣ разрыва съ Австріею, были для меня необходимы. Послѣ сего насуливъ золотыя горы Фридриху и оставивъ на время въ покоѣ Франца, я отправился въ Гиспанію. Я приказалъ разстрѣливать всѣхъ, попадающихся съ оружіемъ въ рукахъ, жечь города и деревни, которые будутъ противиться, и рѣзать всѣхъ не смотря на возрастъ и полъ. Приказанія мои исполнялись самымъ жестокимъ образомъ, и съ сихъ поръ, Гиспанія и Португалія сдѣлались обширнымъ театромъ грабительства, убивства и пожаровъ. Вы можете, по данной вамъ власти, отверзть мнѣ

врата райскіе, но живущіе теперь люди и потомство отдаленнѣйшее суть страшные судіи, которыхъ умолить нѣтъ мнѣ возможности. Я слишкомъ много сдѣлалъ, чтобы заслужить уваженіе Европы. Чувства, внушаемые мною своимъ современникамъ, меня не обманываютъ. Почтеніе, которымъ меня окружаютъ, удивленіе, которое оказываютъ военнымъ и политическимъ моимъ подвигамъ и любовь, которою по видимому Французы преисполнены къ Корсиканцу, отъ чистаго сердца ихъ ненавидящему, всѣ эти пустяки производятся дѣятельностію моей полиціи, подлостію моихъ подданныхъ, и ужасомъ, вселяемымъ въ нихъ моими жандармами и бастиліями.

Аббатъ Мори. Желаніе, изъявляемое вами отравить однимъ разомъ всѣхъ Бурбоновъ, очень грѣшно. Мы всѣ братія о Христѣ Іисусѣ, и принадлежимъ одному Господу, коего высочайшее правосудіе предписываетъ намъ не дѣлать никому того, чего сами себѣ не желаемъ. Я согласенъ съ вами, что очень трудно оправдать поступокъ вашъ съ Гиспаніею и Португаліею. Вы обманули вѣрнѣйшаго и полезнѣйшаго своего союзника. Португальскій дворъ ничего вамъ не сдѣлалъ. Три года уже оба королевства сіи служатъ добычею всѣмъ ужасамъ войны несправедли-

вѣйшей и ужаснѣйшей, о какой только упоминаютъ лѣтописи вселенныя. Истина, которую президентъ Байонской юнты имѣлъ мужество сказать вамъ, должна возбудить все ваше вниманіе. Забвеніе такихъ ужасовъ можете вы получить только скорымъ и славнымъ заглажденіемъ оныхъ. Вы видите во что уже стало вамъ это безразсудное предпріятіе, вы никогда не можете усмирить гордости Кастильцевъ: вы побьете ихъ, но не покорите. Въ Гиспаніи легло уже около 300 т. Французовъ или чужестранцевъ, у васъ служащихъ, вы велѣли перерѣзать по крайней мѣрѣ миліонъ Гиспанцевъ и Португальцевъ всякаго возраста и пола, а власть ваша надъ Гиспаніею далеко еще не приноситъ той пользы, которую вы отъ нее получали до Байонскаго вашего подвига и Мюратовой бойни въ Мадритѣ. Возвратите Гиспаніи и Португаліи законныхъ ихъ государей; довольно и того, если вы заставите ихъ набивать ваши карманы. Вы всегда можете управиться съ ними, если они не строго будутъ выполнять предписанія ваши въ разсужденіи Англичанъ.

Бонапарте. Вы теперь забываете, что обѣщали мнѣ подавать только такіе совѣты, которые служили бы къ умноженію блеска моего

престола. Скорѣе соглашусь я драться тридцать лѣтъ и пожертвовать тремя милiонами солдатъ, словомъ сказать всѣмъ, нежели отказаться отъ завоеванiя Гишпанiи и Португалiи. Я разорилъ Прусiю, задавилъ Австрiю, навелъ на всѣхъ страхъ, и вы думаете, что я унижусь до того, что признаю себя побѣжденнымъ толпою разбойниковъ, которыхъ монахи приводятъ въ изступленiе! Хотя довольно и етой причины къ продолженiю войны, но есть еще другая не менѣе важная въ разсужденiи моей безопасности и спокойствiя Францiи. Предположа, что я оставлю Гишпанiю и Португалiю, что тогда начну съ войскомъ, которое три уже года привыкло ко всякимъ злодѣянiямъ? Мнѣ кажется, здравая политика требуетъ, чтобы оно изтреблялось по маленьку. У меня нѣтъ болѣе непрiятелей на твердой землѣ. Для Французовъ надобна война, которая принесетъ ту выгоду, что удержитъ сатирическiй нравъ сего народа судить о дѣйствiяхъ правленiя. Меня очень бранили за строгость, оказанную Дюпону и Марескоту по случаю сдачи Байлена; но меня оправдали и даже хвалили, какъ скоро я объявилъ, что оба ети генерала *были трусы и невѣжды*. Знающiе ихъ коротко люди и слѣдственно могущiе цѣ-

нить ихъ, мнѣ не повѣрили и презрили мною, какъ подлымъ клеветникомъ. Генералъ Дюпонъ очень свѣдущій и храбрый человѣкъ: онъ нѣсколько разъ заслуживалъ отъ меня похвалу во время войны въ 1800 г. въ Италіи, въ 1806 г. въ Австріи и въ 1807 г. въ Польшѣ. Мареско есть одинъ изъ искуснѣйшихъ инженеровъ въ Европѣ, а всякій знаетъ, что безъ мужества и науки не льзя быть хорошимъ инженернымъ офицеромъ. Какъ большая часть Франціи и почти вся Европа вѣритъ гнуснѣйшимъ моимъ клеветамъ, какъ оракулу, то признаю себя виновнымъ и каюсь въ политической смерти сихъ двоихъ человѣкъ, дѣйствительно имѣющихъ отличные дарованія. Я хотѣлъ показать моимъ генераламъ, что для нихъ опасно оставаться въ живыхъ послѣ пораженія, и что они девизомъ своимъ должны принять слова: *умереть или побѣдить*. Я хотѣлъ было разстрѣлять Дюпона и Марескота и вѣрно сдѣлалъ бы это, еслибы былъ самъ въ арміи. *Парижъ имѣетъ силу смягчать меня.* Я уступилъ неотступнымъ просбамъ нѣкоторыхъ знатныхъ чиновниковъ, имъ покровительствовавшихъ, и представлявшихъ мнѣ, что *лекарство будетъ хуже болезни*. Считаю не нужнымъ говорить вамъ, что за всѣ успѣхи свои въ Гиспаніи обязанъ я

столько же деньгамъ, сколько и оружію. Такіе люди, каковъ Морла, которыхъ подкупить очень легко, противились мнѣ не долго: сдача Мадрита служитъ тому доказательствомъ. Геройская защита Палафокса въ Саррагосѣ свидѣтельствуетъ о его храбрости и честности. Хотя онъ у меня и въ плѣну, но не теряетъ своей независимости; онъ не принялъ самыхъ выгоднѣйшихъ предложеній. Возвращеніе его въ Гишпанію было бы очень для меня опасно: онъ погибнетъ въ моихъ оковахъ. Та же участь ожидаетъ Марквиза де ла Романья за то что успѣлъ обмануть Бернадота и дезертировать. Всѣ начальники должны сойти съ театра, на которомъ три года сражаются они съ братомъ моимъ *Домомъ Іосифомъ Наполеономъ, единственнымъ законнымъ ихъ государемъ.* Многіе формально обѣщали положить оружіе какъ скоро принужу я Англійскую армію выдти изъ Португаліи; но не смотря на это не уйдутъ отъ моего мщенія. Гишпанія все равно что Сень-Домингъ: надобно истребить все то, что помогало къ составленію или поддержанію возмущенія; малѣйшее снисхожденіе будетъ имѣть самые вредныя слѣдствія для внутренняго спокойствія. Какъ ни старается Петіонъ заслужить мое благоволеніе

сдавая мнѣ провинціи, въ которыхъ признают его и помогая въ завоеваніи сѣвера; но я буду употреблять его до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ полезенъ. Онъ долженъ ждать отъ меня того же, что сдѣлалъ я съ Туссенемъ и Ла-Плюмомъ, и что сдѣлаю съ Христофомъ, ежели онъ попадется мнѣ въ руки. Увѣряютъ, что послѣдній всегда велъ себя честно, и что даже теперь управляетъ очень хорошо и кротко; но смерть его нужна для отмщенія втораго его возмущенія противъ Леклерка. Очень хотѣлось бы мнѣ поймать генерала Кастаньоса, чтобы заставить его разкаяться за Байленъ. Я предамъ его жесточайшимъ мученіямъ въ отмщеніе за смерть многихъ солдатъ моихъ, которыхъ допустилъ онъ перерѣзать вооруженнымъ инсургентамъ, бывшимъ въ его войскѣ.

Аббатъ Мори. Мнѣ кажется, что вы забыли причину, побудившую васъ прибѣгнуть къ религіи. Вы сказали мнѣ, что впередъ намѣрены жить истиннымъ христіяниномъ и миролюбивымъ государемъ, а теперь только и говорите что о войнѣ, мщеніи и смерти. Позвольте замѣтить вамъ, что ничего нѣтъ ужаснѣе преступленія даннаго Богу обѣта. Лучше никогда не ходить на изповѣдь, чѣмъ дѣлать изъ нее дурное упо-

требленіе. Я не хочу совѣтовать вамъ подставлять лѣвой щеки тому, кто ударитъ васъ по правой; но спрошу только, не сдѣлали ли бы вы сами того же, что сдѣлали генералы Ла Романья, Христофъ и Кастаньосъ? Вашъ батюшка и всѣ ваши родные не служили ли противъ Французовъ? Вы сами не желали ли видѣть Корсику независимою? Вы признаетесь, что отечество дорого для всякаго честнаго человѣка. Я не могу похвалить намѣренія вашего заточить и погубить мужественныхъ военачальниковъ, которыхъ добродѣтели и дарованія принуждаютъ васъ къ почтенію и заслуживаютъ удивленіе вселенной. Вы назовете меня филантропомъ, потому что я ставлю на одну доску Сенъ-Доминжскихъ негровъ и жителей Гиспаніи и Португаліи; но знайте, что и они сотворены Богомъ точно также, какъ вы и я. *Душа черного столь же драгоцѣнна въ глазахъ Всемогущаго, какъ и душа бѣлаго.* Человѣкъ добродѣтельный и храбрый, какова бы цвѣта кожа на немъ ни была, всегда будетъ лучше труса и подлеца, хотя бы кожа у него была бѣлѣе снѣга. Будьте столь же правосудны, сколько вы сильны, и я смѣло увѣряю васъ, что всѣ народы, не выключая и жителей Сенъ-Доминга, будутъ вамъ уди-

вляться и даже сдѣлаются вашими друзьями. Отстаньте отъ склонности вашей проливать кровь безъ всякой нужды и отъ намѣренія основать всеобщую монархію, о чемъ слышу я каждый Божій день отъ людей, которыхъ по справедливости считаютъ вашими довѣренными.

Бонапарте. Хотя послѣдняя статья не принадлежитъ къ вашему вѣдомству, однако же я поговорю о ней съ вами послѣ. Вы теперь говорили точно какъ аббатъ Грегуаръ; но знайте что тиранство необходимо въ обоихъ полушаріяхъ для блаженства общества. Какую пользу получили Французы отъ свободы своей 1789 г.? Они терзали другъ друга, какъ дикіе звѣри. Я пріѣзжаю изъ Египта; штыками выгоняю пять сотъ негодяевъ, не столько способныхъ быть законодателями, сколько рѣзать проѣзжихъ по большимъ дорогамъ. Я издаю законы, мнѣ удивляются, повинуются и дѣлаются счастливыми или *кажутся таковыми.* Если бы анархія продлилась еще годъ, то Франція теперь раздѣлена бы была между всѣми европейскими державами. На противъ того, теперь всѣ мнѣ повинуются. *Побѣды*, одержанныя мною въ 1809 г. надъ Австріею сдѣлали меня повелителемъ всей твердой зе-

мли, доставя мнѣ руку Ерцгерцогини. Скажу болѣе, союзъ сшотъ дѣлаетъ меня властелиномъ надъ вселенною. Положимъ, что Англичане будутъ держаться въ Португаліи, что сопротивленіе Гиспанцевъ продолжится и что я устану посылать туда на убой Французовъ, тогда отправлю туда сто тысячь Австрійцевъ. Если Англія откажется отъ мира, я наберу изъ другихъ народовъ сто тысячь и пошлю ихъ въ Индію. Держава ета потерявъ существенное основаніе своего богатства, не можетъ болѣе удержать превозходства своего на морѣ. Я заставлю ее заплатить кучею золота и кровавыми слезами за тиранство ея на моряхъ, за *свободу книгопечатанія*, и за бѣдность, въ которую повержены мои народы отъ прекращенія торговли. Англинскіе купцы не похожи на купцевъ твердой земли. Послѣдніе всѣ разорились. Они обанкрутились, у нихъ нѣтъ куска хлѣба и не смотря на ето они не смѣютъ даже вздыхать; такая дерзость сочлась бы бунтомъ. Вѣчное заточеніе или смерть избавила бы государство отъ ихъ крика и навело бы страхъ на всякаго, кто вздумалъ бы распространять его. За ето слѣпое повиновеніе ручаются мнѣ мои сухопутные и морскіе войски, 30 т. жандар-

мовъ, 80 т. поповъ и монаховъ, 100 т. таможенныхъ служителей, 150 т. человѣкъ приставленныхъ къ сбору податей и 200 т. шпіоновъ моихъ полиціи. Францъ и Фридрихъ дѣлаютъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ точно то же, что братъ мой Іеронимъ, зять Мюратъ и двоюродный братъ дюкъ Піаченцскій въ Касселѣ, Неаполѣ и Амстердамѣ. Приказанія мои всюду исполняются съ одинакою точностію, между тѣмъ какъ въ Лондонѣ, при каждомъ банкрутствѣ, кричатъ противъ министровъ, бьютъ въ домахъ ихъ окны и требуютъ мира во что бы то ни стало. Англинскій народъ увѣренъ, что я пречестный человѣкъ, а того и не знаетъ какъ давно мнѣ хочется улучить удобный случай ограбить Лондонъ, выжать сокъ изъ Англіи и изъ трехъ королевствъ сдѣлать три Французскія провинціи, жителей которыхъ сдѣлаю я несчастнѣе, нежели каковы теперь жители твердой земли. Если миръ сдѣлается, то любимое намѣреніе мое исполнится черезъ три года. *Я обниму Англичанъ, чтобы лучше задушить ихъ*; предложу имъ самые выгодные условія и засыплю цвѣтами сѣть, для нихъ разставленную. Но если, остерегаясь меня, гордые сіи островитяне не согласятся ни на что, тогда при-

веду въ дѣйствіе намѣреніе свое противъ Англинскихъ заведеній въ Индіи; и черезъ десять лѣтъ желанія мои выполнятся. Тогда изъ списка государей изгладятся всѣ древніе европейскіе роды начиная съ возлюбленнаго моего тестя до конфедераціоннаго дюка Нассау-Вейльбуржскаго. Я знаю, что при всѣхъ дворахъ, какъ большихъ такъ и малыхъ, смѣются на счетъ моихъ предковъ, приводя въ доказательство Мураторія и нѣкоторые открытія, сдѣланные аббатомъ Фассадони Тревизскимъ. Говорятъ, что *въ 16 вѣкѣ Бонапарты, бывшіе въ службѣ епископа Тревизскаго и начальствовавшіе надъ его войсками забылись до того, что обдирали и убивали проѣзжихъ; что епископъ велѣлъ было поймать ихъ и повѣсить, но они ушли въ Корсику, пристанище всѣхъ африканскихъ и европейскихъ разбойниковъ.* Положимъ, что ето и правда, но развѣ я виноватъ въ злодѣяніяхъ моихъ предковъ? Я знаю, что одинъ очень умный государь заставилъ до слезъ смѣяться многочисленное собраніе сказавъ по выслушаніи всѣхъ етихъ подробностей о моемъ родѣ: *я повѣрю етому судя по дѣламъ Бонапарта: яблочко отъ яблони не далеко падаетъ.* За ету шутку заплачу я истребленіемъ всего рода етого насмѣшника,

котораго нѣтъ уже на свѣтѣ. Я хочу быть первымъ во всемъ. Дамъ хорошіе пансіоны всѣмъ согнаннымъ мною съ престоловъ, и заставлю ихъ жить во Франціи. Пребываніе ихъ въ старыхъ ихъ владѣніяхъ произвело бы безпорядокъ и нарушило бы спокойствіе, которымъ желаю чтобы наслаждались ихъ преемники. Генераловъ, не славнѣйшихъ однако же, а преданнѣйшихъ моему роду, подѣлаю я королями, не столько награждая ихъ вѣрность, сколько для утвержденія моей династіи. Дайте мнѣ прожить еще лѣтъ двадцать и я превзойду всѣхъ великихъ людей древности.

Аббатъ Мори. Хотя и тяжело для меня противорѣчить вамъ; но признаюсь, что я совершенно не вашего мнѣнія. Вы забыли, что Россія не потеряла ни мало своей силы, число войскъ ея несмѣтно. Австрія послѣдуетъ вашему примѣру и забудетъ о родствѣ; вамъ трудно будетъ управиться съ Венгерскими гренадирами. Силы Оттоманской имперіи, ежели хорошо будутъ направляться, сдѣлаютъ въ Италіи сильную диверсію въ пользу европейскихъ сѣверныхъ дворовъ; и чѣмъ король Прусскій несчастнѣе, тѣмъ болѣе подданные его оказываютъ къ нему привязанности. *Фениксъ возрождается*

изъ своего пепла. Германія и Италія проклинаютъ Французовъ за несчастія, производимые войною. Земли, присоединенныя ко Франціи, Голландія, Гиспанія, Португалія желаютъ возвращенія старыхъ своихъ государей; а что касается до Англіи, то я не одинакихъ съ вами о ней мыслей. Конечно, она можетъ устать отъ тяжкихъ податей, нужныхъ на военныя издержки; согласенъ даже съ вами, что обанкрутившіеся купцы жалуются, что заводчики требуютъ мира, потому что не имѣютъ столько средствъ сбывать товаръ свой, и что по видимому все недовольно министрами; но все ето недоказываетъ ничего въ вашу пользу. Вы для нихъ всего страшнѣе. Дѣла ваши въ Гиспаніи отклонили отъ васъ почти всѣхъ приверженныхъ въ Англіи, которыхъ было тамъ довольно. Всѣ они въ одинъ голосъ сказали, что" ежели съ союзникомъ столь вѣрнымъ поступлено такъ гнусно, то чего не долженъ ожидать отъ своего непріятеля народъ, котораго удары тѣмъ ужаснѣе, что противникъ не имѣетъ силы отводить ихъ и средствъ отвѣчать на нихъ." Англичане будутъ безпрестанно кричать, когда дѣло идетъ объ улучшеніи ихъ правленія; но какъ скоро вы сдѣлаете высадку, то увидите,

что они всѣ соединятся противъ васъ. Вамъ надобно будетъ сражаться не съ толпами, которыя Кассивеланъ собралъ противъ Цезаревыхъ легіоновъ; но на васъ съ яростію нападутъ войски хорошо выученные и храбрые. Сраженіе Фонтенейское и Талаверское могутъ дать вамъ достаточное понятіе, сколь страшенъ етотъ народъ, ежели вы принудите его защищаться въ собственной его землѣ противъ войска, которое до сего дня доказывало, что для побѣжденныхъ готовитъ участь, горчайшую самой смерти. Всѣ превозносятъ вашу хитрость; но и Англичанъ не льзя назвать простаками. Вы говорите что будете ихъ ласкать; но они не будутъ довѣрять вашимъ ласкамъ. Что же касается до намѣренія вашего завоевать Индію, то я слышалъ отъ вѣрныхъ путешественниковъ, что ето дѣло невозможное, по тому что сіи мѣста, столь плодоносные при переходѣ черезъ нихъ Александра для покоренія Пора, теперь ни что иное, какъ обширныя пустыни, въ которыхъ войско ваше погибнетъ отъ труда и голода. Замыселъ вашъ согнать съ престоловъ всѣхъ государей древнихъ родовъ, по мнѣнію моему, была бы *предосторожность полезная*, еслибы можно было его выполнить. Положимъ, что

Прусскій король согласится быть барономъ вашей имперіи; но желаю знать какъ вы уговорите къ тому же Русскаго и Австрійскаго императоровъ? У каждаго изъ нихъ есть милліонъ храбрыхъ солдатъ и, что болѣе всего, подданные ихъ отмѣнно къ нимъ привязаны. Султанъ не дешево уступитъ вамъ Царьградъ. Прошу хорошенько обдумать все это: вспомните что сдѣлалось съ лягушкою, которая дулась до того, что лопнула. Извините мою откровенность, на которую даетъ мнѣ право санъ мой. Прошу покорнѣйше разсказать мнѣ что нибудь о безсмѣнномъ вашемъ консульствѣ, назначеніи въ императоры, коронаціи папою, о разводѣ съ Жозефиною, бракосочетаніи съ Маріею Луизою и о нравственномъ поведеніи вашемъ съ 1796 г.

Бонапарте. Трибунатъ далъ мнѣ безсмѣнное консульство, а императорствомъ обязанъ я арміи. Приверженнымъ ко мнѣ далъ я надлежащіе предписанія, Оба эти дѣла были обдуманы очень хорошо. Я притворился что не мѣшаюсь въ комедію, которую сочинилъ самъ при началѣ обоихъ сихъ происшествій. Отвѣтами своими показывалъ я что считаю за тяжкое бремя всѣ почести, мнѣ опредѣляемыя, между тѣмъ какъ вну-

тренне былъ внѣ себя отъ радости. Я перешелъ Рубиконъ 18 брюмера, и удивлялся только своей умѣренности. Не воображайте, чтобы короновалъ меня папа: я самъ возложилъ на себя вѣнецъ и короновалъ Жозефину. Всѣ обряды, которые заблагоразсудилось мнѣ выполнить, имѣли политическую цѣль, которой я достигъ увѣря народъ мой во Франціи и Италіи, что я былъ *истинный католикъ*. Признаюсь вамъ, что двадцать восемь лѣтъ былъ я безбожникомъ. Сочиненіе Мирабо подъ названіемъ Система натуры, какъ-то попалось мнѣ въ руки, и я не могъ насладиться чтеніемъ онаго; принялъ всѣ его правила и только въ ночь съ 1го на 2е Іюля началъ вѣрить существованію Бога, который удостоилъ спасти меня и жену мою отъ опасности, уготованной намъ человѣкомъ отмѣнно хитрымъ, потому что по сей часъ ни какъ не могъ я отыскать его. Все, говоренное и дѣланное мною до сего времени относительно религіи, было не иное что какъ лицемѣрство. Я ненавидѣлъ Жозефину, потому что она не могла продлить моего рода и въ ея лѣта не отставала отъ привычекъ молодой кокетки. Франція не могла не знать связи ея съ Барсомъ до моей женитьбы и послѣ похода

моего въ Египетъ. Неудача моя подъ Есслингомъ и пораженіе, нанесенное лордомъ Веллингтономъ войскамъ моимъ въ Гиспаніи, принудили меня отказаться на время отъ намѣренія своего согнать съ престола Франца. Я зналъ, что у него есть взрослая дочь. Шателерово дѣло подало поводъ къ объясненіямъ, которые довели до мирныхъ предложеній. Я чувствовалъ, что не я былъ сильнѣйшій, а потому надлежало мнѣ быть хитрѣйшимъ. Меня перепустили черезъ Дунай безъ малѣйшаго сопротивленія: дрались только для вида. Одинъ изъ молодыхъ ерцгерцоговъ, радуясь вѣрно *чести* быть мнѣ дядюшкою, остался съ войскомъ своимъ въ Пресбургѣ. Онъ легко забылъ грубую брань, которою я его оттотчивалъ въ своихъ бюллетеняхъ. Ерцгерцогъ Карлъ, котораго правый флангъ разсѣялъ и обратилъ въ бѣгство мое лѣвое крыло, бывшее подъ начальствомъ Массены, изъ угожденія ко мнѣ пошелъ въ Богемію. Мы провели Англичанъ: доставъ въ руки ихъ гинеи мы подписали миръ, о которомъ уговорились еще въ изходѣ Іюня. Осыпавъ подарками и ласками любимцевъ Францовыхъ, мнѣ удалось увѣрить его, что я отъ чистаго сердца желаю его дружбы. И теперь еще не могу понять, какъ онъ рѣшился выдать

за меня дочь свою после того, какъ *очень оффиціально* зналъ волю мою лишить его престола и торжественное посланіе мое къ Венгерцамъ избрать себѣ другаго короля. Я надѣялся союзомъ своимъ съ однимъ изъ первѣйшихъ европейскихъ домовъ, принудить Англинское правительство къ примиренію. Мнѣ хотѣлось, чтобы оно зажало ротъ Лондонскимъ журналистамъ, которые на перерывъ меня хлещутъ. Съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ моихъ генераловъ, служившій со мною въ Италіи и Германіи, и слѣдственно очень хорошо меня знающій, присталъ къ нимъ, слышу я такія истины, которыя раздираютъ мою душу. Филантропъ етотъ Фуше довелъ меня до такого несчастія. Два года уже зналъ я, хотя и невѣрно, что генералъ Сарразенъ хотѣлъ перейти въ Англинскую службу. Ружейный выстрѣлъ избавилъ бы меня отъ етого измѣнника; но слабость министра моего спасла его. И такъ, не говорите мнѣ о кротости, когда враги мои употребляютъ ее во зло предавая меня публичному суду, а можетъ быть скоро съ оружіемъ въ рукахъ придутъ напасть на меня среди моей имперіи.

Аббатъ Мори. Радуйтесь счастію, что васъ просвѣщаетъ истинный свѣтъ! Вы вѣрите въ

Бога! вы будете счастливы въ семъ и въ будущемъ мірѣ. Вы хорошо сдѣлали, что развелись съ первою своею супругою. Что такое сдѣлала Жозефина, чтобы удостоиться раздѣлять съ вами славный вашъ престолъ? Она лишала васъ, также какъ и подданныхъ вашихъ, тѣхъ великихъ выгодъ, которыя произтекаютъ отъ союза вашего съ принцессою славнаго Лотарингскаго дома. Какъ миръ на твердой землѣ былъ слѣдствіемъ пораженія вашего подъ Есслингомъ и *условнаго* сраженія вашего подъ Ваграмомъ, то вы легко получите прощеніе въ смерти столь многихъ храбрыхъ людей, погибшихъ въ сихъ жестокихъ сраженіяхъ, которые можно уподобить борьбѣ гигантовъ. Что же касается до Англичанъ, то они только тогда къ вамъ перемѣнятся, когда на вѣрное узнаютъ, что могутъ прочно пользоваться нѣкоторыми выгодами для своей торговли на твердой землѣ. Для сего потребно возстановленіе равновѣсія въ Европѣ, чтобы купцы ихъ не могли каждую минуту бояться, что вы прикажете конфисковать ихъ товары, привезенные ими въ ваши владѣнія. Они знаютъ, что у васъ лежатъ на сердцѣ тѣ богатые призы, которые они сдѣлали на купеческихъ корабляхъ вашихъ въ 1803 г., и увѣрены что вы отмѣнно мсти-

тельны. Вы дурно сдѣлали, что не велѣли разстрѣлять генерала Сарразеня. Если я сказалъ вамъ, что надобно истреблять опасныхъ гражданъ, то разумѣлъ подъ симъ болѣе всего генераловъ, за которыми надобно присматривать и сживать съ рукъ скорѣе и строже, нежели всѣхъ прочихъ вашихъ подданныхъ.

Бонапарте. Я долженъ замѣтить вамъ, что вы очень часто сами себѣ противорѣчите: то упрекаете меня, что я жестокъ, то слишкомъ добръ. Лучше всего можно васъ сравнять съ флюгеромъ, который вертится куда вѣтеръ подуетъ. Будте тверды въ вашихъ мысляхъ. Я рѣшился взять васъ въ путеводители *по стезѣ спасенія*, а вы бросаетесь то въ ту, то въ другую сторону. Во время моего безбожія, тѣснѣйшіе узы родства не удерживали меня отъ гнуснѣйшихъ дѣлъ. Вы легко можете отгадать меня и считать за истину все то, что о семъ слышали молвою. Въ Италіи я былъ настоящій султанъ; не смотрѣлъ ни на какую благопристойность; не уважалъ обязанностей, налагаемыхъ бракомъ. Не смотря на то, что я отмѣнно доволенъ союзомъ своимъ съ теперишнею императрицею, сожалѣю иногда о свободѣ, которою наслаждался прежде, и признаюсь что нѣсколько уже разъ приходила

на меня охота быть ей невѣрнымъ; недоставало только случая. Каюсь въ томъ, что обезчестилъ по меньшей мѣрѣ сто семействъ съ помощію содержательницы одного славнаго пансіона, котораго возпитанницъ публика десять лѣтъ уже считаетъ составляющими часть моего сераля. Однихъ я одарилъ богато, родственникамъ другихъ далъ выгодные мѣста и вообще всѣхъ своихъ фаворитокъ не оставилъ безъ награжденія. Говорили, будто я имѣлъ связи со многими изъ дамъ моего двора; но это неправда. Я не люблю безъ крайней нужды разстроивать женатыхъ людей. Бывъ въ Египтѣ, я принужденъ былъ сообразоваться съ обстоятельствами. Во всей Французской арміи была одна только хорошая женщина, жена одного капитана конныхъ егерей. Я поручилъ Жюноту достать мнѣ ее. Мужа и ее пригласили къ обѣду. Одна *маркитантша*, запасная жена перваго моего адъютанта, *хозяйничала*. За десертомъ, она вышла съ г-жею капитаншею, которую на передъ уже произвелъ я въ генеральши, по тому что за столомъ она мнѣ очень понравилась. Я не замѣдлилъ выдти за ними. Между тѣмъ какъ Жюно и многіе другіе офицеры генералъ-штаба опоражнивали бутылки съ мужемъ, я уговаривал-

ся съ его женою. Съ трудомъ она склонилась на мои предложенія; но *обѣщанія* мои преклонили ее остаться со мною, и мы условились отнять у капитана его имѣніе. На другій день вручили ему депеши во Францію; но какъ Англинскіе крейсеры не позволяли ему выходить изъ гавани, то онъ просилъ позволенія возвратиться въ Каиръ, въ чемъ однакоже ему отказано. Онъ написалъ къ женѣ, чтобы она пріѣхала къ нему въ Александрію; но на письмо свое не получилъ отвѣта и послѣ мы о немъ уже ничего не слыхали. Возвратясь изъ Египта, я помѣстилъ сію любовницу въ Виллетскомъ предмѣстіи, и прежде нежели со всѣмъ разстался съ нею, утвердилъ ей пансіонъ по *сту луидоровъ въ годъ*. Вы, думаю слышали, что всѣ каприсы, мнѣ нравившіяся, раздѣляли мое ложе. Что бы дать вамъ настоящее понятіе о моихъ нравахъ, довольно того если скажу вамъ, что съ пятьнадцати лѣтъ моего возраста, я былъ столькоже развратенъ, какъ Цезарь, котораго Светоній справедливо называетъ *женою всѣхъ мужей и мужемъ всѣхъ женъ*; между тѣмъ какъ по простому только подозрѣнію развелся онъ съ своею женою, сказавъ, что *всѣ ему ближніе должны быть чужды, не токмо преступленія, но даже подозрѣнія.* Ка-

юсь, что я бранилъ, ругалъ и даже билъ часто первую мою жену Жозефину. Вы видите во мнѣ несчастнаго, отягченнаго злодѣяніями, покрытаго стыдомъ и искренно желающаго заслужить забвеніе и прощеніе оныхъ хорошимъ поведеніемъ. Извините, если благопристойность запрещаетъ мнѣ войти въ дальнѣйшія подробности. Исполняя такъ давно званіе исповѣдника, вы можете знать сколь велики и ужасны грѣхи мои.

Аббатъ Мори. Милосердіе Божіе еще болѣе прегрѣшеній вашихъ. Вы должны принести искреннее въ нихъ разкаяніе и твердо рѣшиться жить честно съ юною супругою вашею, которую должны вы считать даромъ небеснымъ, потому что совѣты ея возвращаютъ васъ на стезю добродѣтели. Откажитесь навсегда отъ того ужаснаго грѣха, который причинилъ погибель двухъ славныхъ городовъ въ древности. Наслаждайтесь въ чистотѣ драгоцѣнными свойствами, которыми природа украсила императрицу; отстаньте отъ тѣхъ развратныхъ чувствій, которые уподобляютъ человѣка скоту безсмысленному, и добродѣтель да будетъ удѣломъ брака, составленнаго для блаженства Европы. Прежде нежели дойдемъ мы до заключенія, мнѣ надобно знать что нибудь о внутрен-

немъ управленіи Франціею. Слухъ носится, что вы каждый годъ приказываете дѣлать вопіющія несправедливости въ конскрипціи, въ сборѣ податей и во всѣхъ прочихъ частяхъ государственной службы. Не уже ли нѣтъ законовъ? Вы сами *получили* отъ нихъ власть свою. Хорошій государь долженъ охранять всѣ права подданныхъ своихъ, даруемые имъ законами.

Бонапарте. Конскрипція есть розсадникъ моихъ войскъ. Искусство министра Лакюе, приверженность префектовъ, дѣятельность моихъ жандармовъ и неутомимое рвѣніе офицеровъ и унтеръ офицеровъ, посылаемыхъ за рекрутами, довели до удивительной степени совершенства наборъ конскриптовъ. Министръ требуетъ для изключеній, дозволенныхъ закономъ, такихъ условій, которые рѣдко выполняются по причинѣ отдаленности полковъ или *умышленнаго* нерадѣнія полковниковъ. Положимъ, что конскрипты придутъ въ назначенное время, префекты *находятъ ихъ негодными.* Жандармы гоняются за укрывающимися отъ конскрипціи, которыхъ число, иногда очень великое, никогда не изключается изъ участка, который департаментъ долженъ выставить. Дорогою, офицеры и унтеръ офицеры разнымъ образомъ обижаютъ

молодыхъ рекрутъ, чтобы заставить ихъ *бѣжать*. Все ето умножаетъ мое войско. Побѣгъ одного человѣка доставляетъ мнѣ двоихъ, не изключая и его самаго. О бѣжавшемъ конскриптѣ до прихода въ полкъ, офицеръ тотчасъ дастъ знать префекту, описавъ его примѣты. Префектъ требуетъ отъ округа бѣжавшаго конскрипта выставки перваго слѣдующаго за нимъ по очереди. Жандармы не замедливаютъ поймать убѣжавшаго, и связавъ его пересылаютъ изъ тюрмы въ тюрму до перваго его назначенія. Если осудятъ его, какъ уклоняющагося отъ конскрипціи, то отсылаютъ въ публичную работу; а отъ сюда прямо въ какій нибудь полкъ. Братъ его, который въ слѣдующій годъ, избавился бы отъ набора, не получаетъ ни какой выгоды отъ принужденной его службы и долженъ идти, если жеребій на него ляжетъ. Такимъ образомъ, проступокъ одного, или лучше искуство моихъ агентовъ, доставляютъ мнѣ троихъ солдатъ. Префекты долго не хотѣли принимать моихъ наставленій; а теперь набиваютъ себѣ карманы. Я опредѣлилъ людей, меня достойныхъ, на мѣста тѣхъ, которые по чрезмѣрной чувствительности трогались жалобами стариковъ, слезами вдовъ и воплями сиротъ. Благодарю васъ, что вы завели

етотъ разговоръ. Сколько разоряю я семействъ, у которыхъ отнимаютъ одного человѣка, способнаго къ пропитанію престарѣлой матери и многихъ малолѣтныхъ дѣтей! Но мнѣ нечего дѣлать для поддержанія превозходства моего оружія. Ежелибъ я точно слѣдовалъ закону, то получалъ бы одного только человѣка съ пяти сотъ душъ, между тѣмъ какъ злоупотребленіе доставляетъ мнѣ двоихъ, а иногда и болѣе. Въ одномъ департаментѣ древней Бельгіи, всѣ разбѣжались; но всѣ эти конскрипты рано или поздо поступаютъ въ мои полки. Знаю, что на меня жестоко жалуются. Добрые эти люди часто говорятъ, что *императоръ не знаетъ етого, а не то, онъ вѣрно прекратилъ бы всѣ ети несправедливости*, они ни какъ не хотятъ вѣрить, что я все знаю, что ничего недѣлается безъ моей воли, и что не изполняющаго оную я тотчасъ отрѣшаю отъ мѣста и отдаю его человѣку *надежному*.

Аббатъ Мори. Рекруты вамъ надобны; конскрипцію я очень хвалю; она есть щитъ имперіи. Но къ чему злоупотребленія? Для чего не требовать двоихъ человѣкъ вмѣсто одного? Для чего отдавать напроизволъ, а особливо на разорѣніе низшихъ чиновниковъ многіе миліоны людей? Слова подданныхъ ва-

нихъ, о которыхъ вы говорите, внушаются имъ каждый день отцами ихъ духовными. Приходскіе священники не престаютъ превозносить до небесъ добродѣтелей, дарованій, а особливо *отеческой любви* императора Наполеона ко всѣмъ Французамъ.

Бонапарте. Попы ваши выполняютъ свой долгъ. Если они и впередъ будутъ угождать мнѣ, то я постараюсь улучшить ихъ состояніе. Они показали мнѣ большую услугу заставляя охотно выходить конскриптовъ; но сожалѣю, что не могутъ сдѣлать тоже въ разсужденіи сбора податей. Казначейство мое, которое считаютъ набитымъ золотомъ, совершенно пусто. Безъ помощи, доставляемой мнѣ еще Италіею, Германіею и Голландіею, полгода уже не зналъ бы я чѣмъ платить двумъ миліонамъ людей, служащимъ на моемъ жалованье, начиная съ Камбасереса до послѣдняго таможеннаго чиновника. Лотерея и почта два уже года не приносятъ ничего. На издержки выходятъ всѣ доходы и даже *кража.* Лавалеттъ, къ величайшему своему сожалѣнію, принужденъ прекратить отпускъ денегъ въ *тайное* мое казначейство. Пошлины, сбираемыя съ гербовой бумаги и записки въ протоколъ не даютъ и четверти того, что давали въ 1803 г. Дѣла всѣ засну-

ли; нѣтъ уже болѣе перемѣнъ въ собственности. Таможни, приносившія такъ много въ 1802 и 1803 г., совсѣмъ пусты. Сборъ контрибуцій съ завоеванныхъ земель скоро кончится. Я могу надѣяться только на поземельную подать, на добрый свой городъ Парижъ и на грабительство моихъ префектовъ. Нѣкоторые ученые люди утверждаютъ, что не льзя винить въ томъ сихъ чиновниковъ; но они вѣрно не знаютъ что различные ихъ грабежи обращаются почти всѣ въ мою пользу; ибо малую только изъ нихъ часть отдаю я служителямъ моей жадности. Кто знаетъ, какъ богата Франція, и умѣетъ искусно рыться въ етомъ рудникѣ, до сихъ поръ неизтощимомъ, тотъ перестанетъ дивиться отъ куда я беру деньги на такія страшныя издержки. Со всѣхъ сторонъ доносятъ мнѣ, что довѣренность изчезаетъ, что деньги выходятъ изъ обращенія и что я долженъ считать только на четверть тайныхъ моихъ доходовъ. Я съ ума схожу отъ того, что не могу болѣе получать тѣхъ великихъ выгодъ, которыя обѣщалъ себѣ отъ своей системы подкупать всѣхъ. Начиная съ меня самаго до послѣдняго звонаря все должно платить деньги. Если я назначаю сто миліоновъ на издержки по мор-

скому департаменту, то министръ изъ угожденія ко мнѣ спѣшитъ доставить изъ того десятую часть моему казначею. Ласковая улыбка при первомъ его приходѣ награждаетъ его совершенно. Эти десять милїоновъ не токмо разбиваетъ онъ на разныя статьи расхода при отдачѣ отчета, но въ теченіе года старается еще сдѣлать кое какую економію, въ которой даетъ онъ мнѣ вѣрный отчетъ, ручающійся ему за продолженіе *императорскаго моего благоволенія*. То же дѣлаютъ и всѣ прочіе министры. Г. Броліе, епископъ Гандскій, можетъ сказать вамъ, какимъ образомъ обираетъ онъ свою епархію посредствомъ *черныхъ своихъ солдатъ*. У него всѣ обложены смотря по состоянію: столько то за свадьбу, крестины, похороны, молебны и т. д. При предшественникѣ его, г. Фалло де Бомонѣ, дошли до того что требовали двухъ лундоровъ епископу за свадьбу людей очень средственнаго состоянія. Письмо и деньги ошибкою посланы были къ г. Дево подпрефекту Термондскаго округа въ Фландріи, который разгласилъ это. Въ *бѣднаго* Бомона начали бросать камнями и онъ принужденъ былъ проситься въ другое мѣсто. Въ Гандѣ онъ пробылъ не болѣе трехъ лѣтъ, а успѣлъ уже *економіею сколотить* 300

*

т. франковъ. Я перевелъ его въ Италію и сдѣлалъ епископомъ Піаченцскимъ, гдѣ онъ продолжаетъ служить мнѣ *съ величайшимъ усердіемъ.*

Аббатъ Мори. Воздайте Богу Богови, а Кесарю Кесареви. Я проклинаю всякаго, кто недоволенъ *десятиною,* уставленною церковными правилами. Все излишнее принадлежитъ вамъ. Я увѣренъ, что братъ мой Бомонъ очень хорошо знаетъ духовныя и мірскія свои обязанности, чтобы не въ точности слѣдовать правилу, столь полезному какъ для престола, такъ и для церкви. Я слышалъ, будто генералы, полковники и даже гражданскіе чиновники съ жадностію ловятъ случаи наживаться. Я думаю что ето не хорошо, что вы дурно дѣлаете терпя ето, и что по крайней мѣрѣ судьямъ надобно быть честнымъ и добродѣтельнымъ.

Бонапарте. Очень видно, что вы другимъ совѣтуете дѣлать то, чего сами не хотите. Если честность для кого необходима, то вѣрно болѣе всего для духовенства? Не должны ли вы подражать Іисусу Христу и апостоламъ въ презрѣніи богатства? Знайте, что при моемъ правленіи, конскриптъ или смертоубійца, ежели у нихъ есть деньги, спасутся отъ строгости законовъ. Одного сборщи-

ка податей министръ грозилъ повѣсить за воровство, а потъ ему отвѣчалъ, что *человѣка, у котораго 50 т. ливровъ дохода, никогда не вѣшаютъ*. Я очень съ нимъ согласенъ. Всѣхъ воровъ, или приличенныхъ душегубцевъ, у которыхъ 15 т. дохода дѣлаю я графами, а у которыхъ только третья часть, тѣхъ жалую въ бароны. Прошу васъ никогда не говорить мнѣ о воровствѣ моихъ генераловъ и полковниковъ. Знайте, что люди, увѣнчанные лаврами побѣды, не подвержены ни чьему порицанію, кромѣ моего. Ето дѣти мои возлюбленные. Они сдѣлали меня тѣмъ, чѣмъ я есть, а для меня приятно считать себя виновникомъ того, что они есть. Я постарался избавиться отъ всѣхъ тѣхъ людей, которые не будучи моею тварью, съ прискорбіемъ только принимали новый порядокъ дѣлъ. Полковники мои получаютъ только по шести тысячь франковъ въ годъ жалованья: очень естественно считать имъ полки свои откупами, управленіе которыми я имъ поручаю. Полковникъ Кутаръ, принявъ 65й полкъ, нашелъ на немъ долгу сто тысячь франковъ. Черезъ три года онъ весь его выплатилъ и сдѣлалъ економіи сто тысячь франковъ, найденныхъ въ полковой казнѣ генералъ-инспекторомъ

при смотрѣ. Признаюсь, что я виноватъ дозволяя полковымъ начальникамъ обкрадывать солдатъ; но ето такое зло, отъ котораго выходитъ болѣе добра: за ето у нихъ есть прекрасные и хорошо одѣтые музыканты, помогаютъ сержантамъ, произведеннымъ въ офицеры, и солдатъ ни мало не примѣчаетъ несправедливостей своего полковника, который не можетъ отложить въ економію *ни одного сантима* не укравъ его у своихъ подчиненныхъ. Учрежденіе инспекторовъ для осмотра полковъ прекратило воровства, дѣланные у правленія. Отчетъ, который должны отдавать полковые начальники, доведенъ до совершенства. Въ сочиненіяхъ, изданныхъ въ чужихъ земляхъ, говорятъ также, будто *земское управленіе въ безпорядкѣ*. Ето грубая ошибка. Кромѣ меровъ и товарищей ихъ, всегда избираемыхъ изъ числа старыхъ дворянъ или простыхъ, но богатыхъ и умныхъ людей, учреждены очень расторопные секретари, которые всѣ бумаги держатъ въ величайшемъ порядкѣ. Какъ можно было утверждать ето не предполагая замѣшательства въ моей системѣ управленія, которую всѣ ученые политики считаютъ образцемъ точности, мудрости и искуства? Въ рейнскихъ и фландрскихъ

департаментахъ опредѣляютъ въ секретари только такихъ, которые знаютъ оба языка, Французскій и тамошній. Ети секретарскіе мѣста очень прибыльны. Приставленные къ сбору контрибуцій получаютъ хорошее жалованье. Сельскіе стражи или шпіоны префектовъ равняются съ жандармами въ отправленіи полицейскихъ дѣлъ и поимкѣ дезертировъ и укрывающихся конскриптовъ. Подрядчики на публичныя работы избираются префектами, которые всегда покровительство свое заставляютъ покупать большими деньгами. Говорятъ также, будто *меры принуждены служить государству своимъ карманомъ.* Тотъ очень мало знаетъ Французовъ, кто считаетъ ихъ столь щедрыми. Какъ бы малъ ни былъ округъ, но имѣетъ свои доходы, смотря по существу податей. Бюджетъ удовлетворяетъ всѣмъ издержкамъ: правленіе беретъ себѣ излишнее. Всѣ среднія власти, не исключая общихъ совѣтовъ, префектовъ и министровъ, суть не иное что, какъ машины, движеніями коихъ управляю я. Манифесты мои, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался я самовластнымъ, наполнены самымъ безпристрастнымъ правосудіемъ, а тайными своими инструкціями предписываю я дѣлать непремѣнно тѣ зло-

употребленія, которые для меня выгодны во всѣхъ частяхъ государственной службы. Мой директоръ конскрипціи, мой министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ полиціи успѣли превзойти министра финансовъ, духовныхъ дѣлъ, морскаго и даже военнаго. Я не слишкомъ доволенъ своимъ великимъ судіею, который однакоже есть лучшій въ своемъ родѣ. Иностранными дѣлами управлялъ я самъ; ложь моя часто производила хорошее дѣйствіе, котораго я ожидалъ отъ нее. Вотъ почти все, что кажется предосудительнымъ въ дѣлахъ моихъ со вступленія моего въ свѣтъ до сего дня. Я долженъ замѣтить вамъ, что сказанныя мною несправедливости необходимы для сохраненія въ имперіи моей *благосостоянія*, которымъ она наслаждается.

Аббатъ Мори. Покорнѣйше васъ прошу сказать мнѣ что нибудь о публичномъ воспитаніи, въ которое ввели вы, какъ говорятъ, величайшіе злоупотребленія; не забудьте также удрученій, которымъ вы подвергли національную гвардію, вопреки законамъ до нее относящимся; и тѣхъ бастилій, въ которыхъ, какъ слухъ носится, предаете вы томительной смерти многія тысячи невинныхъ людей. Враги ваши простираютъ

злобу свою до того, что говорятъ, будто вы задерживаете дипломатическихъ чиновниковъ, велите убивать ихъ или отсылать Богъ знаетъ куда. Такое нарушеніе народнаго права очень не похвально, если только не принуждало васъ къ тому желаніе утвердить торжество Французской націи. *Благосостояніе народа есть первѣйшій законъ.*

Бонапарте. Ваша правда. Когда я рѣшился взять мѣры, которыя изполняющихъ оныя уподобляли Мандренямъ и Картушамъ, то для того, чтобы знать тайны иностранныхъ дворовъ, дабы имѣть довольно время для приуготовленій. Я не имѣлъ инаго средства противиться ихъ нападеніямъ и отражать на враговъ моихъ несчастія приготовляемые ими Франціи. Кромѣ сихъ насильственныхъ дѣлъ, я каюсь, *если только можно назвать ето грѣхомъ*, въ томъ, что содержу въ городахъ, которые по знатнѣе, агентовъ, перехватывающихъ писма, которыя думаютъ что важны, читающихъ оныя для донесенія мнѣ, и изтребляющихъ или отдающихъ ихъ по надписи, смотря по моимъ выгодамъ. Начиная съ 18 брюмера, предосторожность ета наблюдалась всегда во Франціи и во всѣхъ земляхъ, состоящихъ подъ моимъ владычествомъ. Мнѣ надобно знать

все, что относится до благосостоянія государства, чтобы разрушать замыслы злонамѣренныхъ людей. Публичнымъ возпитаніемъ долженъ я былъ пріобрѣсть себѣ любовь молодыхъ людей, поселить въ нихъ охоту къ военной службѣ, и увѣрить ихъ что императоръ болѣе папы. Вы напрасно будете спорить со мною о послѣдней статьѣ: нужно, чтобы истина ета, для блага народовъ подтверждаема имъ была служителями церкви. Вы знаете, что *царство ваше не есть сего міра*, и что вы должны повиноваться законной власти. Признаюсь, что во время революціонныхъ бурь вкрались многіе злоупотребленія въ публичное возпитаніе; не токмо чтобы вводить оные, я всячески старался изкоренять ихъ, и почти успѣлъ въ етомъ основавъ университетъ. Одно только время можетъ усовершить твореніе мое. Непримиримѣйшіе враги мои наконецъ отдадутъ мнѣ справедливость признавшись, что въ мое правленіе юношество возпитывается несравненно лучше, нежели въ самые благополучные времена прежней династіи. Я очень недоволенъ національною гвардіею. Моему только искуству можно было извлечь какую нибудь пользу изъ сего призрака въ 1809 г., когда Англичане сдѣлали експедицію въ Шельду. Французы недо-

стойны имѣть меня императоромъ. Они видятъ всѣ тяжкіе труды мои, подъемлемые для ихъ славы, и платятъ мнѣ за то ужаснѣйшею неблагодарностію. Увѣряю васъ, что ежели бы Англичане сдѣлали высадку въ Нормандіи или Пикардіи, то я оставилъ бы ихъ на нѣсколько дней въ покоѣ, чтобы они сдѣлались моими мстителями за то хладнокровіе, которое показали обѣ эти провинціи въ защищеніи береговъ. Английская армія въ Руанѣ или Амьенѣ, мѣсяца въ два научила бы Нормановъ и Пикаровъ болѣе не дезертировать, какъ сдѣлали они это въ Булонскомъ лагерѣ. Я многихъ осудилъ на четырехъ годичное заключеніе въ оковы для устрашенія другихъ. Строгость эта, вмѣсто успокоенія, возмутила всѣхъ, и лагери опустѣли до того, что принуждены были оставить безъ часовыхъ батареи и даже пороховые магазины. Какъ ни сажали въ тюрьмы отцевъ и матерей бѣжавшихъ, какъ ни принуждали платить достаточныхъ родителей по полторы тысящи франковъ за дезертира, солдаты не являлись, и офицеры напрямки отказали повиноваться, префектамъ, которые принуждали ихъ возвращаться къ своимъ мѣстамъ: въ оправденіе свое приносили они самыя достаточныя причины, говоря, что по предписанію закона, они отслужили свои три мѣсяца, что надобно

было высылать другихъ, что скорѣе ихъ разстрѣляютъ, нежели принудятъ идти до новой очереди. Однакоже я принужденъ былъ *стерпѣть* ето, чтобы не произвесть всеобщаго возмущенія, которое вездѣ начинало показываться. Изъ сего вы видите, что ета проклятая національная гвардія, которою имѣю столько причинъ презирать, хотя и выхвалялъ по политикѣ, вы видите, говорю я, что она заслуживала то, что я съ нею дѣлалъ. Надобно три мѣсяца, чтобы выучить рекрута заряжать ружье и маршировать. Если черезъ три мѣсяца отпущаютъ его домой и замѣщаютъ другимъ рекрутомъ, то очень ясно, что войско ето никогда не выучится, и что при атакѣ оно произведетъ только замѣшательство и даже страхъ побѣжавъ при первомъ появленіи непріятеля. Изъ тридцати офицеровъ етой гвардіи едва ли наберешь трехъ охотниковъ служить или знающихъ свое дѣло. Думали что я перевожу ихъ на почтовыхъ, чтобы скорѣе поставить на мѣста, удобные къ нападенію. Средство ето, которое становится *очень дорого*, употреблялъ я болѣе всего для того, чтобы Англинскіе шпіоны не знали настоящаго числа войскъ, противъ нихъ выставленныхъ. Они видѣли сто телѣгъ, изъ которыхъ въ каждой сидѣло по десяти человѣкъ въ мунди-

рахъ и съ ружьями; но какъ имъ отгодать, что ети мнимые солдаты очень боялись даже незаряженнаго своего ружья и долго надобно было доводить ихъ до того чтобы они не отворачивали головъ во время ученія съ стрѣльбою. Во вторыхъ, усталость могла бы отбить охоту у сихъ старыхъ и молодыхъ учениковъ и принудить ихъ къ побѣгамъ. Въ противность закона и здраваго разсудка, меры имѣли жестокость высылать 14 и 15 лѣтнихъ ребятъ и 60 и 67 лѣтнихъ стариковъ. Слѣдственно, я не могу болѣе надѣяться на національную гвардію. Я увѣренъ, что теперь и Англичане ни во что ее не ставятъ. Послѣ такой бурной революціи, какая возмущала Францію десять лѣтъ, слѣдовать въ точности законамъ опасно бы было для общественнаго спокойствія. Я хочу только доставить блаженство большей части націи. Чтобы достигнуть етого, я долженъ имѣть твердость, нужную для наказанія буйныхъ людей и приведенія ихъ въ несостояніе вредить; почему, указомъ своимъ 3 Марта 1810 г., я учредилъ восемь бастилій. Я очень хорошо знаю вѣрность моихъ подданныхъ. Заключеніе въ крѣпость на годъ или на два заставитъ молчать болтуновъ скорѣе всѣхъ Карьеровыхъ купаленъ и Робеспьеровыхъ побоищъ. Арестантовъ выпущаютъ съ под-

писками, что въ случаѣ вторичнаго преступленія, засадятъ ихъ на всю жизнь. Разсчетъ мой обратить на стезю истинны гораздо болѣе людей, нежели самые умилительныя проповѣди лучшихъ вашихъ ораторовъ. Ежели приходскій священникъ объявляетъ кого развратнымъ, дурнымъ человѣкомъ, нелюбящимъ вѣры, порицающимъ государя и проч., *полицейскій чиновникъ тотчасъ беретъ молодца въ свои руки.* Всѣ его товарищи, дрожа отъ страха, наперерывъ отрекаются отъ стыда имѣть столь виновные чувствія. Такимъ образомъ, считайте теперь мои восемь бастилій съ тремя стами, сдѣланными въ нихъ покаянными, за *утонченіе* труда моего надъ публичнымъ возпитаніемъ. Я увѣренъ что вы не одинакаго мнѣнія съ Фуше, этимъ безстыднымъ террористомъ, который при Робеспьерѣ лилъ кровь рѣками и превзойдя меня въ изполненіи всѣхъ моихъ дьявольскихъ намѣреній для утвержденія моего престола, осмѣлился недавно помѣстить въ свои дневные рапорты, что *указъ 3 Марта очень огорчилъ публику, и что во многихъ обществахъ столицы и знатнѣйшихъ провинціяльныхъ городахъ, называли меня тираномъ и равняли съ Нерономъ.* Я скоро рѣшился. Несноснаго этого наставника взвелъ я на Тарпейскую гору, отъ куда столкнуть его внизъ по первому знаку.

Мѣсто его занялъ Савари, покорность котораго равняется привязанности его ко мнѣ и искуству по тайной части.

Аббатъ Мори. Доказательства ваши неоспоримы. Я одобряю поступокъ вашъ съ національною гвардіею и приношу благодарность отъ лица всей церкви и отъ меня собственно за то, что вы стараетесь о обращеніи вольнодумцевъ на путь спасенія. Вы приказываете объявлять о нихъ, чтобы остановить разпространеніе етой язвы. Все ето очень хорошо. По мнѣ кажется по словамъ вашимъ, что вы забываете что находитесь на изповѣди. Подумайте, что мѣсто покаянія требуетъ со всѣмъ другой осанки и другихъ словъ, нежели поле сраженія. Смиритесь предъ Всевышнимъ, если желаете чтобы онъ излилъ на васъ свое милосердіе, безъ котораго грѣшникъ погибаетъ конечно и душа его осуждается на вѣчныя мученія. Вы не сказали мнѣ ничего о связи вашей съ падчерицею вашею Гортензіею Богарне, королевою Голландскою. Злые люди говорятъ, будто вы жили съ нею, какъ съ женою, до ея замужства, что вы принудили братца своего Лудовика на ней жениться, узнавъ что она беременна, что и послѣ сего будто вы не прерывали короткаго вашего съ нею знакомства, что вы дали ей власть

противиться воли мужа своего *по закону*, что вы приказали бросить въ Сену ея лекаря, который пересказалъ ея мужу, не о знакомствѣ ея съ вами, а о другихъ шалостяхъ, и что связь эту оставили вы только по усильнымъ просбамъ ерцгерцогини, которая упросила васъ выслать совмѣстницу свою изъ Парижа и даже лишить престола.

Бонапарте. Все это почти правда. Если бы кто другій, кромѣ отца моего духовнаго, осмѣлился спрашивать меня объ этомъ, то подвергся бы одной участи съ лекаремъ болтуномъ. Я никогда не любилъ Гортензіи: она меня забавляла. Вдова Богарне обязана снисхожденіемъ своей дочери за честь оставаться г-жею Бонапарте по возвращеніи моемъ изъ Египта. Умъ, прелести, красота, а особливо молодость Гортензіи заставили меня забыть всѣ недостатки ея матери. Несправедливо говорятъ, будто я принудилъ Лудовика жениться на своей любовницѣ. Онъ зналъ мою съ нею связь; но не отставалъ съ просбами: онъ хотѣлъ быть *счастливымъ*, когда могъ съ выгодою подставить свое имя. Я приказалъ, чтобы на все согласились, и онъ женился. Каюсь въ смерти лекаря. Я долженъ былъ склониться на просбы жены своей, чтобы выслать Гортензію изъ Парижа и даже согнать ее съ престола. Будущее

время вознаградитъ ее за теперишніе оскорбленія, вынужденные обстоятельствами. Я очень несчастливъ своимъ семействомъ. Любовь, оказываемая мнѣ моею Луизою, поддерживаетъ меня въ несчастіи. Небесная милость возвратитъ мнѣ спокойствіе. Я прошу прощенія во всѣхъ прегрѣшеніяхъ, въ которыхъ принесъ вамъ покаяніе. Я лгалъ всякій Божій день; не льзя точно изчислить всего моего неправосудія, всѣхъ нарушеній цѣломудрія и всѣхъ убивствъ, мною сдѣланныхъ. Я не увеличу послѣдней статьи, если положу въ два миліона число жертвъ, погибшихъ отъ меня начиная съ Тулонскаго побоища до утопленія лекаря королевы Голландской, что случилось въ Январѣ мѣсяцѣ сего года. Извините, ежели иногда слишкомъ горячо я говорилъ принося вамъ покаяніе. Я очень часто выхожу изъ себя. Что сперва дѣлалъ я только изъ хитрости, то послѣ превратилось въ привычку, которая, какъ говорятъ, есть вторая натура. Въ Кампо Форміо, съ намѣреніемъ разбилъ я фарфоровый сервизъ чтобы напугать уполномоченныхъ, а въ Вѣнѣ, въ Августѣ 1809 г., узнавъ о сдачѣ Флессингена, ни какъ не могъ удержаться чтобы не переломать всѣхъ мебелей, подъ руки мнѣ попадав-

шихся, и ругался какъ бѣснующійся. Я забылъ принести покаяніе въ томъ, что часто бью меня окружающихъ, то есть, слугъ, адъютантовъ, а иногда даже и министровъ. Чрезъ минуту послѣ я сержусь самъ на себя, но дѣло сдѣлано, и изправляю его только деньгами. Я слишкомъ гордъ, чтобы просить прощенія, какъ бы виноватъ предъ кѣмъ ни былъ. Если я сей часъ извинялся предъ вами, то сдѣлалъ это только изъ уваженія къ священному сану вашему и къ должности примирителя меня съ Богомъ, которую вы теперь занимаете; но во всякомъ другомъ мѣстѣ знайте на вѣрное, что найдете во мнѣ вашего *императора*.

Аббатъ Мори. Я никогда не забуду чѣмъ обязанъ *помазаннику Господню*, и поставлю за счастіе доказывать всегда, что у васъ нѣтъ подданнаго, который былъ бы вѣрнѣе стараго панегириста св. Лудовика, предшественника вашего достохвальной памяти. Я вспомнилъ еще, что, въ то время говорили, будто вы занимались лихоимствомъ, отдавая деньги ваши въ ростъ въ Парижѣ и въ знатнѣйшихъ европейскихъ городахъ. Изъ числа многихъ случаевъ, которыми, какъ слухъ носится, вы очень возпользовались, было Маренжское сраженіе: говорятъ, будто

курьеръ съ депешами болѣе печальными, нежели радостными, пріѣхалъ сутками прежде офицера, отправленнаго съ извѣстіемъ о вашей побѣдѣ; отъ чего агенты ваши, а особливо Талейранъ, получили ужасный барышь.

Бонапарте. Кто занимаетъ такое мѣсто, какъ я, тому всегда надобны деньги. Я уже сказалъ вамъ, и еще повторяю, что достаю ихъ *всячески.* Кто льститъ мнѣ, тотъ мой другъ, а кто всѣми силами старается набивать мои сундуки и доставать людей въ войско, тотъ мой любимецъ. Лихоимство мое столь же обширно, какъ и полиція: однимъ камнемъ наношу я два удара. Средство это будетъ для меня очень полезнымъ въ такую минуту, въ которую главнѣйшіе мои финансы почти все равно что ничего. Кажется я вамъ обстоятельно разсказалъ о своемъ невѣріи, жестокости, развратѣ, распутствѣ, грубости, страсти лгать и о всѣхъ другихъ слабостяхъ, неразлучныхъ съ бѣдною человѣческою природою. Вы знаете какъ пламенно желаю я получить прощеніе въ оныхъ, говорите мнѣ какъ ангелъ мира, скажите что мнѣ еще дѣлать для докончанія моего покаянія. Умоляю васъ о томъ, даю вамъ волю, приказываю, если вы считаете то нужнымъ для своего оправданія.

Аббатъ Мори. Не смотря на духовную власть, мнѣ данную, и на долгъ, налагаемый на меня священнымъ моимъ саномъ, говорить чистую истину, я долженъ къ стыду своему признаться вамъ, что страхъ огорчить васъ заградилъ бы мнѣ уста сказать вамъ то, что должно утвердить ваше и потомства вашего блаженство. Я сталъ бы говорить вамъ неопредѣленно о нѣкоторыхъ разпоряженіяхъ, которые по недостатку своему продлились бы только до вашей смерти или, даже и при васъ, до оборота счастія, столь обыкновеннаго въ етомъ подлунномъ мірѣ. Но если вы приказываете мнѣ говорить откровенно и именемъ Бога всемогущаго, то знайте, что вы только одни можете возвратить спокойствіе вселенной и превзойти всѣхъ великихъ людей, украшавшихъ человѣчество и прославившихъ святую церковь. Откажитесь отъ Французскаго престола; отдайте Французамъ законнаго ихъ государя; будьте королемъ Ломбардскимъ. Составьте владѣнія свои изъ всего того, что находится между Адижемъ, Альпами, Тесиномъ, Танаромъ, Бормидою, Тосканою, Рубикономъ и Адріатическимъ заливомъ; возмите старые Генуезскіе владѣнія и Корсику. Венеціянскіе владѣнія, лежащіе по лѣвому бере-

ку Адижа, и городъ Венецію, отдайте императору Австрійскому въ замѣнъ Миланскаго герцогства. Венессенское графство оставте Франціи за *потерю* Корсики. Впрочемъ, введите всю Европу въ то положеніе, въ которомъ она была въ 1789 г., равнымъ образомъ и колоніи. Вамъ дадутъ Гваделупу. Всѣ державы гарантируютъ вамъ и роду вашему новые ваши владѣнія. Если вы сего не сдѣлаете, то ожидайте одной участи съ Кромвелемъ, который бывъ погребенъ съ королевскими почестями, *послѣ былъ отрытъ и повѣшенъ палачемъ*. Слава ваша въ семъ и блаженство въ будущемъ мірѣ не дозволяютъ вамъ оставаться въ нерѣшимости. Еще при жизни своей будете вы считаться жителемъ рая. Одни вы только можете составить блаженство ста шестидесяти миліонамъ людей, которые теперь стонутъ отъ удрученія дипломатическихъ вашихъ агентовъ, превозходящихъ и васъ самихъ въ жестокости. Сѣверъ приведенъ въ совершенное безчувствіе и страшную нищету; западъ представляетъ плачевное позорище вражды, неизвѣстной у дикарей, жертвою которой по несчастію дѣлается Англія и Франція; на югѣ все пылаетъ и повсюду льется кровь отъ мщенія очень естественнаго народовъ,

у которыхъ хотятъ отнять законныхъ ихъ государей и древніе законы; а востокъ служитъ театромъ убійствъ двухъ великихъ націй, которыхъ выгода состоитъ болѣе въ поддержаніи одну другой, нежели въ истребленіи. Отъ вашей одной воли зависитъ общая свобода. Слово ваше произведетъ златый вѣкъ. Вы надѣлали много злодѣяній, за которые достойны миліонъ разъ быть вверженными съ величайшими злодѣями во тьму кромечную, гдѣ огнь и жупелъ и скрежетъ зубовъ вѣчный; покаяніе ваше избавляетъ васъ отъ такой участи. Врата небесные вамъ отверзты. Сколь много должны вы благодарить Бога за такое милосердіе! Взгляните на прошедшее, и благодарность ваша къ нему должна удвоится. Кто былъ защитникомъ вашимъ, когда вы чуть не погибли при Арколѣ? Богъ. Кто охранилъ васъ отъ язвы и насильственной смерти въ Египтѣ и Сиріи? Богъ. Кто подвигъ васъ отойти отъ Ейлавской церкви за минуту до паденія мортиры, которая раздавила бы васъ, если бы вы остались на томже мѣстѣ? Богъ. Ему же обязаны вы спасеніемъ своимъ отъ депутатскихъ кинжаловъ 19 брюмера въ Сень-Клу, и отъ многихъ заговоровъ, которые не вы составляли.

Не обманывайтесь всѣми вашими побѣдами. Всевышній покрылъ васъ отеческимъ щитомъ своимъ при Маренго, Аустерлицѣ, Енѣ и Фридландѣ. Вы не можете довольно возблагодарить его за Есслингенское сраженіе, въ которомъ неприятели ваши ослѣплѣны были еще въ пору, чтобы недовершить вашего изтребленія. Не будте неблагодарны къ вашему благодѣтелю. Возвратите Французамъ и Гиспанцамъ законныхъ ихъ государей. Не смотря на злодѣянія ваши, которые ужасны, всѣ народы сочтутъ васъ своимъ спасителемъ и осыплютъ васъ благословеніями. Всѣ христіяне возпоютъ вамъ похвалы узря видимую главу церкви пользующуюся снова благодѣяніями предшественниковъ вашихъ, которыхъ отнимать у него не имѣли вы права, и которые припишутся вамъ, если вы ихъ возвратите. Оскорбленія, причиненные вами св. отцу, ужасны. Если вы не удовлетворите всѣхъ ихъ, то отлученіе отъ церкви лишитъ васъ всей пользы, приносимой изповѣдью кающемуся грѣшнику. Намѣстникъ апостола Петра, единственный *непреложный* на землѣ человѣкъ, имѣетъ власть *вязать* и *разрѣшать* совѣсть. Ежели онъ изгонитъ васъ изъ среды правовѣрныхъ, тогда всѣ добрые мои разположенія оста-

нутся тунѣ, и вѣчная пагуба ваша будетъ неизбѣжною. Размыслите хорошенько обо всемъ етомъ. Употребите всю удивительную прозорливость, которою одарилъ васъ Господь, чтобы убѣдиться въ непрочности колоссальной вашей силы, основаніе которой можно назвать чудомъ. Подумайте объ участи императрицы, которую вы имѣете столько причинъ видѣть счастливою. Не ужасаетъ ли васъ мысль, что ежели сего дня падете вы отъ ножа убійцы, завтра же Марія Луиза взойдетъ на тотъ самый ешафотъ, на которомъ погибла тетка ея Марія Антуанета, королева Французская? Прекратите столь тяжкіе душевные безпокойства. Возведите на самый верхъ славу вашу и благосостояніе Французовъ. Умѣренность есть оселокъ великихъ людей. Вы сказали мнѣ, что смерть Клебера и ссылка Моро очистили вамъ первое мѣсто въ Европѣ, какъ военачальнику. Я вамъ говорю, что вы сдѣлаетесь государемъ почтеннѣйшимъ и счастливѣйшимъ въ етой же самой Европѣ, если удовольствуетесь *вашею желѣзною короною*. Вы сознались, что вамъ противно считаться только похитителемъ; и ето приписываю я Божескому вдохновенію, дабы вы окончили дѣло, столь счастливо начатое, т. е.

истребленіе якобинцевъ и возвращеніе престола Бурбонамъ. Возвратя сему славному дому всѣ его права, вы примирите искренно всѣ партіи, которыя теперь удерживаются только страхомъ. Они васъ боятся, но за то ненавидятъ: за излишнее считаю сказывать вамъ причины, противъ васъ ихъ ожесточающія. Они никогда не привыкнутъ къ тому, что иностранецъ управляетъ ими съ большею строгостію и пышностію, нежели Лудовикъ XIV, тщеславнѣйшій и властолюбивѣйшій изъ всѣхъ ихъ старинныхъ королей. То же самое разумѣть должно и о прочихъ народахъ, присоединенныхъ ко Франціи. Возвратите имъ старыхъ ихъ государей или лучше возлюбленныхъ ихъ отцевъ. Не позволяйте побуждать васъ къ етому ни одной державѣ. Объявите намѣреніе свое вдругъ всему міру, который не найдетъ достаточныхъ словъ къ прославленію вашего великодушія. Сколь пріятно вкусить смерть праведниковъ! Какими ужасами долженъ терзаться государь, который при послѣднемъ издыханіи своемъ, вынужденъ сознаться, что не утвердилъ благосостоянія дѣтей своихъ, друзей своихъ, подданныхъ, словомъ всѣхъ людей, которые отъ провидѣнія поручены ему

только съ обязанностію пещись о устроеніи ихъ блаженства.

Земля равно въ себя вмѣщаетъ горделивца,
Богатствомъ, скипетромъ надменнаго счастливца
И бѣднаго раба, согбеннаго судьбой. —
Во гробѣ нѣтъ отликъ! Короны блескъ пустой
Царя не защититъ отъ тлѣнности въ гробницѣ;
Сего дня ѣхалъ онъ съ тріумфомъ въ колесницѣ,
На утро хладный прахъ его вмѣститъ земля. —
Ни знатность и ни что, — лишь добрые дѣла
За гробомъ почтены. — Порокъ всегда въ презрѣньи,
Лишь добродѣтельный по смерти въ уваженьи.

Государи должны размышлять о сихъ высокихъ истинахъ. . . .

(Здѣсь бесѣду аббата Мори съ Бонапартомъ прервала императрица, которая одна только имѣетъ право входить въ императорскій кабинетъ безъ Рустанова доклада. Бонапарте попросилъ аббата выдти въ ближнюю комнату, въ которой Бертье, часа уже два дежурилъ одинъ. Вотъ что начали между собою говорить *духовникъ и оберъ-егермейстеръ*).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.